

84.09(430)

X-98

K-68344

Педег Хузангай

МЕРУ
ЖИМ
ТЯСА
СЯМ

Национальная библиотека ЧР

к-068344

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

Песни
Тилли

СТИХИ И ПОЭМЫ

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ — 1975 г.

К84.09(Чув)

X 98

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

Песни
Тилли

СТИХИ И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД С ЧУВАШСКОГО
АЛЕКСАНДРА
КАЗАКОВА

С (Чув) 2
Х 98

Дарственный экз.

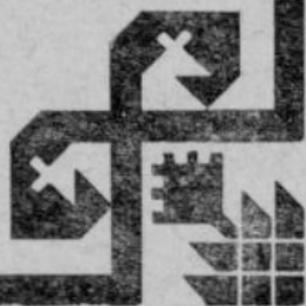
К-68344

Национальная библиотека
Чувашской Республики

Х $\frac{0743-0130}{136(03)-75}$ 65-75

© Чувашское книжное издательство, 1975 г.

Из первых
стихов

Кольцо с одним глазком
жемчужным

Напомнило мне имя той,
С кем были мы когда-то дружны,
И вдаль умчался я мечтой.

Никто, ничто пока не будит
Цветущих яблонь, белых сплошь.
Моя судьба какою будет?
Скажи, Большой небесный ковш.

1923

Ласточка легко взмывает ввысь,
Только стрелы крыльев смотрят вниз.
Хоть про день узнать бы наперед!
Но судьба все позади бредет...

Голубем хотелось бы мне стать,
На перила сесть и ворковать:
Мне страдать тогда бы не пришлось,
Я не проливал бы горьких слез.

Вон звезда погасла, вижу я.
Не скажите: «То звезда твоя!»
На земле моя, не в небесах,
Синий пламень у нее в глазах.

Был бы я, как ласточка, крылат,
Полетел бы я в знакомый сад,
К светло-русой бы влетел на миг,
В сладкий сон красавицы проник.

Я будить бы милую не стал,
С болью в сердце, уходя б, сказал:
«Юрадап!»*, чтоб знать ей, что терплю,
Чтоб везде ей слышалось: «Люблю!»

1924

* Юрадап — люблю.

Еще вчерашний день был пестрым,
Сегодняшний — на диво бел.
Смутилось солнце: чудо просто,
Что мир так чист, так посветлел.

Вчера колдобины да ямы
Могли измучить ездока,
Сегодня сани мчатся прямо,
А я не тороплю конька...

Пока он сам торил дорогу
И приставал то там, то здесь,
В груди созрела понемногу
И вылилась из сердца песнь.

Далеко ль, близко ли — доскачем,
Найдем заветный поворот.
Садись, красавица! Не кляча,
А добрый конь нас повезет.

Чудесно утро! Я в дорогу
Взял ворох сена, ячменя...
Но все равно один продрогну,
А ты замерзнешь без меня.

Смелей, подруга! Прыгай в сани,
Садись поближе: так теплей,
А то ведь мимо с бубенцами
Проскочит конь мой... Ну, смелей!

Ведь ты обидишься, я знаю,
Коль он, мотая головой,
Помчит, как бы сказать желая:
«Чипер юл!»*, прочь по столбовой.
1925

* Чипер юл — счастливо оставаться.

В те дни, как талая вода
Еще сверкает тут и там,
Всласть ветерки поют всегда,—
Как передать их песни вам?

В сушь, коль не выпадет роса,
Вдруг дудочкой начнет играть
Метелка спелого овса,—
Как эти звуки передать?

Пронзительно вдруг вскрикнет гусь
Осенним утром на пруду,
И обуяет сердце грусть.
О чем? — Я слова не найду.

Заиндевевший храп коня...
Пофыркиванье на бегу...
Что в первопутке для меня,
Я песней лишь сказать могу!

1926

Гола осина...
Наполовину
Бедней родных берез уборы.
Придет и дубу
Пора, но любы
Нам и осенние просторы.

Тропа все мгlistей...
Бредем по листьям
С вопросом, долго ли еще нам
Шагать по свету...
Но нет ответа —
Все тихо в роще обнаженной.

Природа дело
Свое успела
Свершить в прозрачном перелеске.
Красу и силу
От взоров скрыла,
Чтоб вдруг явить их в новом блеске...

1926

ЧУВАШСКАЯ ВЫШИВКА

За вас, родное мастерство,
Льняное наше полотно,
Я возвышаю голос свой:
Вам пережить века дано!

В душе таить не должен я
То, чем взволнован так сейчас.
Чувашской вышивкой, друзья,
Вы любовались ли хоть раз?

Чуть в Чебоксарах подержал
Рубашку чудную в руке,
Как всю-то ночь я промечтал
О вышившей ее пиге*.

Как нитки выбрала она —
Шелк яркий, словно позумент!..
И мысль меня лишила сна:
Прекрасному забвенья нет!

Берёсту, лыко ли одни
Чуваш знал, вечный труд верша?
О, нет! Тоскует искони
По красоте его душа!..

Пишу, родное мастерство,
Льняное наше полотно,
Про вашу дружбу и родство,
А зорька шелком шьёт давно.

1926

* Пиге — красавица.

Вновь тебя напомнила луна —
Проводница лирики ночная.
Ты смеешься, радости полна,
Белым жемчугом зубов сверкая.

Улыбаешься тебе одной
Солнышком подаренной улыбкой.
Смейся, но в чем клялся взгляд родной
Пусть не тает вешней льдинкой зыбкой.

Голубая клятва!.. Верю я:
Колер свой есть у любого слова.
Вручена нам чаша бытия
Лишь одна, и я к строке прикован.

Знаю, что подольше век ей дан,
Чем вся жизнь моя, и то провижу,
Что нужней мне, чем любой сурбан,*
Станет и сите** любого ближе.

Ты смеешься, светишься ясна
И открыта, словно зорька утра.
Проводница лирики луна
С образом твоим слилась как будто...

1927

* Сурбан — головная повязка замужней женщины.

** Сите — покрывало.

ИЗ ЦИКЛА
«ЮЖНЫЕ МОТИВЫ»

Как Сеспеля прозрачный стих,
Спокойно море, небо — тоже.
Вдали — ни тучки, ветер стих.
Глядишь и различить не можешь,
Где голубого неба гладь,
Где голубая гладь морская.
Как близнецы, ни дать ни взять,
Стихии нынче. Тишь глухая...

Такой покой сулят они,
Так добродушны их улыбки,
Что в лодке, кажется, усни —
И будешь как ребенок в зыбке.
Как будто стружкой сухой,
Шуршит прибой о берег ровный.
В молчанье замер мир огромный,
И на душе покой, покой...

1927

Вернуться бы теперь в деревню.
Пусть будет осень, дождь и грязь
Хоть до ступиц телеги древней —
Добрался бы, не торопясь,
К тебе, родная, чтоб согрел мне,
Как в детстве, душу твой рассказ.

О мать, тебя, голубки кроткой,
И здесь, вдали, я не забыл.
Из крепких нитей сердца соткан,
Твой образ мне все так же мил.
Твой голос, взгляд твой и походку
Люблю нежнее, чем любил.

Чуть над листом бумаги гладкой
Склонюсь, как звезды ночь зажжет,
Мне тихий голос твой украдкой
Песнь колыбельную поет.
Иль это море песней сладкой
Меня опять к себе зовет?

Вот тучи скрыли блеск лазури.
В их темных недрах зреет гром.
И, гневно гребни волн нахмутив,
Рокочет море за окном.
Но слышно мне в дыханье бури,
Что ты жужжишь веретенном.

Когда же в сердце буря зреет,
Грозя его же разорвать,
Я об одном всегда жалею,
Что не со мной ты рядом, мать:
Ты учишь кротостью своею
И грозы сердца укрощать...

Вернуться бы теперь обратно
В избу родную со сверчком.
Под нашим небом благодатным,
Среди лугов бродя пешком,
Большой роман—в стихах, понятно,—
Я б в сердце выносил своём.

1927

Так вот когда черным-черно
Ты стало вдруг и мечешь в дамбы
Седое пенное руно.
Дай волю — ты ворвалось к нам бы
И город увлекло на дно
В игре, что не уложишь в ямбы.

Метни в открытое окно
Соленые крутые вихри!
Чего-то сердце ждет давно
И, кажется, сейчас—не их ли,
Волн — белогривых скакунов,
Что в мыле все, а не притихли.

Изменчива стихий игра,
Глубоко пашет ветер-пахарь;
С горой сшибается гора,
Волна стремительна, как вяхирь;
А в тихой заводи корабль,
От бури скрывшись, бросил якорь...

Не шторм ли и в моей груди —
Распахнута в ней настезь дверца;
Звенит, рокочет и гудит
В ней шквала бешеное скерцо.
Корабль ждет гавань впереди,
Но некуда укрыться сердцу.

О море, где же мой маяк,
Моя любовь, мой мирный отдых?

K-68344

Где гавань тихая моя?
«А кто кричал, что он из твердых?» —
Ко мне презренья не тая,
Хохочут яро гребней орды.

Да, да! Я знаю: не до сна;
Не до любовных нынче вздохов.
Плелись волами времена,
А наша мчится вскачь эпоха.
И впереди—моя страна,
В ней не смолкает стройки грохот.

Не время отдыхать в пути
И петь свиданье и разлуку.
Мне надо дальше груз нести,
Хотя оттягивает руку...
Спасибо, море, и — прости!
Я благодарен за науку.

1927

— Ах, не сетуй, Сетнер,
Зачем сетовать на людей?
К. Иванов

Напевным околдован я размером,
Должно быть, так зовет земля родная...
Тогда был всяк немножечко Сетнером,
И каждая Нарспи* немножко, знаю.

Начало жизни — мысли пробужденье.
Вовек не позабыть мне сельской школы —
То горестных, то радостных волнений,
И робости, и дерзости веселой!

В двенадцать лет — иль все-таки в тринадцать? —
Во мне впервые чувство пробудилось.
Она цветком вдруг стала мне казаться,
Синь неба у неё в глазах гнездилась.

Бедняцкий сын, любил я робко, втайне,
Моя любовь всходила вместе с грустью,
Надежды вдруг отчаяньем бескрайним
Сменялись... Много яда было в чувстве!

Я был унижен и обижен крепко,
А ветер я уже вдохнул октябрьский,
И творчества малюсенькая щепка
Уже зажгла в груди огонь бунтарский!..

* Сетнер и Нарспи — герои поэмы К. Иванова
«Нарспи».

Мечтанья были чисты, мысль — высокой,
Но жизнь смешала всё — беду и радость.
Остался образ, словно сон далекий,
А от живого чувства — бледный абрис.

1927

Я вас любил...

А. П у ш к и н

Тебя любил я... И поныне
Огонь тот, может, не угас.
Глазам, что словно небо сини,
Его разжечь легко сейчас.

Тебя любил я, и прозрачной
Была любовь, как ключ лесной,
Но чувство становилось мрачным
От черной ревности порой.

Тебя любил я. Было в чувстве
То, что не пережить опять.
В моей душе луч светлой грусти,
Но мукам в ней уж не бывать.

1928

Достаточно пожив, пройдя немало верст,
И я на всем былом поставлю точку,
Но кто-то запоёт опять «Ажурный мост»
Таким же звонким-звонким голосочком.

И загорю я, не выдержу, уйду,
Глаза от всех присутствующих пряча.
Я вспомню этих дней веселых чехарду,
Казань, свои промашки и удачи...

И волосы её, коснувшиеся вдруг
Моей щеки,—прекрасные, густые.
И жалость, и печаль, усилясь, как недуг,
Застыть заставят, словно в абулии.

Мне вспомнятся тогда апрельская капель
И комнатка, похожая на келью...
Экзамен начался... А голос, как свирель,
В дни детства перенёс волшебной трелью.

По-детски он звучал, далеко уводя
По темным тропкам, пройденным народом...
Окажется тогда — так много лет спустя! —
Что красны эти дни ее приходом...

Когда-нибудь, пожив, пройдя немалый путь,
Уже порядком охладев душою,
Услышу, как пиге поёт «Ажурный мост»,
И вспомню все, и грудь дохнет весною.

А мост тот под ногой не дрогнет, как
идешь,
Но под его устой ложится сердце.
Оно такое же, как в песне, что поешь,—
Болит, щемит — и никуда не деться...

Песни Тилли

Что разумеют, говоря «мегель»?*

— Коль хочешь знать, сперва спроси, дружок
У облаков, кудрявых, точно хмель,
Что ж дождиком не окропят лужок?
Не вышел срок.

«Мегель» — что это, объясни, родной.
— Спроси ты у гусей, чей путь далек,
Что ж над озерной светлою волной
Летят, не отдохнув хотя б часок?
Не вышел срок.

«Мегель» — что ж это всё-таки, ответь.
— У яблоньки спроси, какой в том прок,
Что до рассвета не украсит ветвь,
А будет в почке прятаться цветок?
Не вышел срок.

«Мегель» — что ж это всё же, как узнать?
— Спроси у скрипача, зачем смычок
На струны скрипки медлит опускать —
Стоит, уставясь взором в потолок?
Не вышел срок.

Но дождь из тучки хлынет на лужок,
Запенят гуси с гоготом поток,
На яблоньке распустится цветок
И на струну опустится смычок,
Как выйдет срок.

* Мегель — возможность, срок, пора (для ка-кого-либо дела).

Росли мы дружно, чтя свою родню,
Как пять рябинок на одном корню.

Из братьев самый меньший — я, Тилли.
Меня, благословив, так нарекли.

Рожден пригожим, стал я молодцом.
Меня за то балуют мать с отцом.

Для стариков есть разум у меня,
Для девушек — глаза полны огня.

Весною я в сорочке родился,
Когда рассвет еще не занялся.

Звезда сверкала сквозь ночную муть,
Косяк гусей держал на север путь.

«Охотничек у вас, не кто иной»,—
Сказала повитуха надо мной.

Меня не стали к ласточкам носить,
Чтоб те меня учили говорить.

Пошел я скоро — месяцев с шести,
Заговорил с родными — с девяти.

Родился я под полною луной,
Когда петух горланил за стеной.

В роду на счастье рода я один
Рожден в сорочке пятый, младший сын.

Сорочку эту высушила мать,
Чтоб можно было в коробе держать*.

И там же песню спрятала свою.
Я песню отыскал и вам пою.

* Чувашский народный обычай.

Забрезжил свет предутренний в окне,
Проворен гребень старой азанне*,
Повязывает ловко после сна
Сурбаном белым голову она.

На стеклах окон отсветы огня.
Трещат дрова, доходит до меня
Звук материнских медленных шагов
И запах подрумяненных блинов.

Скрипит калитка. Кто это такой?
Ах, старшая сестра спешит домой.
От хоровода прямо в хлев, видать,—
Корову подоить и в стадо гнать.

Потом невестка открывает клеть
И начинает ведрами греть.
Ее забота — наш пивной котел,
Уже срок варки пива подошел.

Над клетью яркий луч сверкнул в хмелю,
А я лежу себе, как будто сплю.
Невестка на лицо мне ловко вдруг
Передник свой накинула: от мух.

Мне хорошо — так век бы пролежал...
Подросток, вдруг мужчиною я стал.
Мой мир — мой дом, в котором жизнь кипит.
Одна лишь младшая сестренка спит...

* Азанне — бабушка по отцу.

Мой дед в атласе. На подоле
Кисть пояса, как мак, красна.
И желтой лентой наша доля
Гнедому в гриву вплетена.

Серебряных стремян не тронув,
Вскочил в седло я: ржет гнедой
И прямо через луг зеленый
В Казань несет меня стрелой

Чем заняты казанцы ныне?
Уздечки украшают медью.
Что делают мои родные?
Хмельное заедают снедью.

Четыре дома — в них по милой,
Из них одна лишь — до могилы.

Какую на небе в скрижали
Со мною рядом записали?

Писали черным — на беду ли,
К веселью ль желтым там черкнули?
Иль красным? — это к полнокровью.
Или зеленым? — на здоровье...

Четыре крали на примете,
С какой запрешься в брачной клетке?
Кого любить, чтоб без обмана?
Чью голову покрыть сурбаном?

В тухьях* с кораллом все четыре,
И нет их краше в целом мире.

С лесною земляникой спелой
Красою могут спорить смело.

Одну возьмешь — жаль остальных,
Взять всех — законов нет таких!

Одну покрыть бы покрывалом
Тем, что вторая вышивала.

А третья бы постель постлала,
Четвертая бы разувала...

* Тухья — девичий головной убор.

Но все — огонь, полны гордыни,
Не станет ни одна рабыней.

Та, что с Большой, свежа, как росы.
Во сне мне снятся ее косы.

Та, что на Средней обитает,
Своей улыбкой покоряет.

А та, что с улицы Нагорной,
Пленяет песнею задорной.

А с Нижней улицы девица,
Та лаской в пляске может виться.

Ай-гай! Где свой покой найду я?
На Пюлеха* я негодую:

Мою любовь — такое лихо! —
Не разделил на четверых он!

* Пюлех — чувашское языческое божество.

Вдоль села иду я стежкой,
Вижу вдруг тухью в окне.
Синеглазая ладошкой
Из окошка машет мне.

Словно не заметив, ходу
Я прибавил, но смекнул,
Как снаружи снять щеколду,
И в калитку прошмыгнул.

Как зашел, пятиалтынный
В голенище опустил,
Снять сапог заставил чинно —
Над девчонкой пошутил.

Та монетку придержала,
Чтоб не дать ей зазвенеть,
И с улыбкою сказала:
— Ведь не свадебная клеть...

А сама сняла передник...
В двух шагах была беда.
Но, хотя душа не ледник,
Я опомнился тогда.

И ушел. Пускай иные
Скажут: «Парень бестолков».
Сватов ждут ее родные —
Уважаю стариков.

Я просыпаюсь дома на заре.
Белей сурбана рядом мать стоит,
Поет петух горластый во дворе,
Отец в раздумье трубкою дымит.

Родные, грустно глядя на зарю,
Советуются тихо меж собой,
Кого из сыновей отдать царю —
Жаль всех, да что поделаешь с судьбой!

У старшего детишки — как отдашь?
Второго б, да сноха уж очень зла...
На среднем дом — «умен... кормилец наш...»
Четвертого б — «молодка понесла...»

«Что делать нам? Меньшего отдадим», —
Решил отец. И согласилась мать:
«Куда бы ни попал, он все — один,
Сам за себя сумеет постоять...»

Тут снова я накрылся с головой.
Чуть плакать не заставила беда.
Зачем петух горланил зоревой?
Не просыпаться мне бы никогда!

Когда просохнет холмик надо мной,
Любимая, до дна ты ковш хмельной
Над насыпью могильной осуши,
Второй же ковш пролей на прах земной.

Не будет пива — холмик земляной
Полей водой студеною речной,
Росткам дать вволю влаги поспеши,
Чтоб зеленел могильный холм весной.

Коль воду с пивом одолеет зной,
То слез пусть хлынет дождик проливной:
Любя, успокоением души
Обязан быть хочу тебе одной.

Отца с могучим львом сравню:
Растил меня под бородой,
Спознаться не давал с бедой,
Берег и от молвы худой.

А мать с орлицею сравню:
Как станет буря завывать,
Одним крылом спасала мать,
Другим меня ласкала мать.

Я брата с беркутом сравню:
Горой он за меня стоял,
Мне на ноги не наступал,
Поблажку младшему давал.

Ни с кем невестку не сравню:
Как люльки я покинул плен,
Так не сходил с её колен.
Пошли ей счастье бог взамен.

Сестру я с лебедью сравню:
На свадьбе сам я гнал конька,
Трясаясь на крышке сундука...
Тилли зовут её сынка.

А брата младшего сравню
С чирком, юркнувшим в краснотал:
По посиделкам он шнырял,
О том, что слышал, не болтал.

Сестрицу младшую сравню
Я с куропаткою лесной:
Делилась лакомством со мной,
Звала и на девичник свой.

Себя я с ястребом сравню:
Я днем и ночью распевал,
На каждой свадьбе погулял,
Всех девок перецеловал.

Пред воротами поклон —
Принял я привета ковш.

Во дворе — другой поклон:
Выпил я согласья ковш.

У сеней опять поклон —
Уверенья взял я ковш.

Посреди избы поклон —
Поднял за судьбу я ковш.

Отдал всем большой поклон —
Осушил любви я ковш.

Как сказал я стих, поклон —
Круговой пригубил ковш.

Пред большим столом
поклон —
Принял жениха я ковш.

В пляс пошел, потом — поклон,
Вот и завершенья ковш.

Вышитым платком махнул,
Выпил на дорогу ковш.

У кладбища конь мой встал,
Головою замотал.
Рядом шафера гнедой
Громко ржет, бренчит уздой.
С бубенцами, тонок, чист,
Слился тихий звон монист.
С брички я невесту снял
И тихонько опустил
На колени у могил,
Чтобы род благословил.

— Дорогой мой, славный дед,
Ты совсем недавно, дед,
В горностаевом камзоле
Спел, сплясал и выпил вволю
Там, на свадьбе на чужой.
Отчего ж до свадьбы внука
Не ждала печаль-разлука?
Что ж до времени, до срока
Избу без дверей, без окон
Ты купил себе, родной?

Бабка славная моя,
Бабка добрая моя!
Ты на свадьбе на чужой
Повязала свой сурбан,
Белый, как густой туман.
Там в хушпу* из серебра,
Словно солнышка сестра,
Ты сверкала, а ко мне
Не пришла ты, азанне,
В гроб легла ты, азанне!

* Хушпу — старинный женский головной убор, украшенный монетами и бусами.

Дед мой, добрый, славный
дед,

Бабка милая моя!
Жил я с вами много лет,
Стал почти что мужем я...
Для чего же в мир иной
Вы ушли от нас четой?
Плача, на могильный холм
Полный ковш я меда лью,
Вас благословить меня,
Голову склоня, молю.

Немятым беленьким платком
Любимая была,
Невзятым в руки пояском
Любимая была,
Не знавшим дела пряслицем
Любимая была,
Никем не ношенным кольцом
Любимая была,
Из сердолика бусинкой,
Иголкой непронзенною
Любимая была,
Серьгой, в ушко не вдетою,
Любимая была,
Воротничочком шелковым,
Ни разу не застегнутым,
Любимая была,
Тухъею непримеренной
Любимая была,
Смычка не знавшей скрипкою
Любимая была,
Непробованной дудочкой
Любимая была...
Стал черным белый мой платок
Не мне достался поясок,
А пряслице распалось вдруг,
Колечко распаялось вдруг,
Мой камень-сердолик пропал,
Жемчужинку я потерял,
Воротничочек лопнул мой,
Случилось то же и с тухъей,
Рассохлась скрипочка моя,
Сломалась дудочка моя,
Богаче Пюлеха я был,
Теперь беднее нищих я!

Спою, а что за песнь дадите?
Кисет мне шелковый сошьете ль?
С почтением преподнесете ль?
А верх узором обведете ль?
Края кораллом обошьете ль?
Шнурком с колечком обовьете ль?

Спляшу, а чем вы наградите?
Сафьяны-башмаки сошьете ль?
Для стелек сукнецо найдете ль?
Верблюжьей кожей подобьете ль?
Жемчужных пуговиц нашьете ль?
А жемчуг ровный подберете ль?

Игру на скрипке чем почитите?
Мне пива вешнего нальете ль?
С любовью ковшик поднесете ль?
Чтоб выпил вволю по охоте,
За пивом меду принесете ль?
С ним бодрый дух в меня вдохнете ль?

Отец мой не казанским был купцом,
Не в Петербурге материнский дом.
Тилли я! Поп нарек меня — Сергей.
В округе лучше нет певца, ей-ей!

Я на гору взошел и встал,
И вижу я родимый ял.
Все старики ушли в кабак,
А там вино, а там табак.
В закладе шапки их давно,
Да на столе зато вино
И рюмки синие в руках.
Дымятся трубки в их зубах.
Дым по полу ползет, стелясь,
Кабацкую скрывает грязь.
На рюмки старики глядят,
По табакерочкам стучат —
Там водки на один глоток,
А табаку — на долгий вдох.
Эх, не тужите, старики!
Тилли вам скажет напрямки:
Табак к вам в лодке приплывет,
И вдоволь водки царь пришлет!

Эй, вы, трубокуры, голь,
У кого нет и на соль!
Я и сам такой сейчас —
Может, победнее вас.
Есть о чем и мне тужить,
Но давайте, братцы, жить
До поры, пока кушак
Станет подметать большак.
А как станет подметать,
Можно снова жизнь начать!

Лебедушкою милая была.
Невинную зачем земля взяла?
Наверно, стало ее тело
Теперь добычей земляных червей,
И трясогузка свить успела
Гнездо в шелку ее кудрей...

Ах, милая, тебя я не хулил,
Как амулет, я честь твою хранил,
И мне не верится доселе,
Что взор твой для меня уж не сверкнет,
Что ты живешь в саду Эсреля,*
Который в жены девушек берет.

Пусть буря небывалая взревет,
Пусть черный смерч над кладбищем пройдет,
Пусть темной ночью он мазара**,
Из глины вырыв, унесет с собой,
Разрушит пусть одним ударом
И свежий холмик с липовой юбой***.

Змеєю стань и приползи, мой друг,
Стань ласточкой и прилети, мой друг.
Сядь на наличник и послушай
Напев печальный, безутешный мой,
Пылающую мою душу
Накрой своим крылом и успокой.

* Эсрель — чувашское языческое божество.

** Мазар — первый покойник, хранитель кладбища.

*** Юба — деревянное надгробие, чурбан.

Конек в оглоблях норовистый
С натугой путь одолевает,
А в голове сиротской быстро
Чреда тоскливых дум мелькает.

Ай-гай, как будто сквозь решета
Пушинки белые кружатся.
Одни печали да заботы
Сегодня на сердце ложатся,

Вокруг безлюдье, голо, сиро.
Звенит уныло колокольчик.
О переменчивости мира,
Мне кажется, сказать он хочет.

Ай-гай, ухабы жизнь отравят —
Конь много раз в пути застрянет,
И все ж назад никто не правит,
У каждого свой конь и сани.

У каждого свой колокольчик —
Звенит, дразня, путь коротает.
То горько плачет, то хохочет,
Пока навек не умолкает...

Ку-ку! Ку-ку! Звенит в лесу.
В ладоши бьет дубок-плясун,
Черемуха — невестою,
Березоньки—подружками,
А клен зеленый — дружкойю.

Ку-ку! Ку-ку! Идет Тилли,
Собак своих ведет Тилли.
Борзая — та стрелой летит,
Легавая в кустах трусит,
А лайка «гав-гав-гав» звенит.

Кукушка, правду ты скажи,
Мне сколько лет осталось жить,
И сколько зайцев загублю,
Волков я сколько затравлю,
Медведей сколько заколю?

Ку-ку! Ку-ку!.. Звенит в ответ.
Год, два... Ох, много, много лет,
Мне это по душе, мой свет,
Хочу глядеть на белый свет,
Его оставить мочи нет!

Землю покрывает снег,
Но весной растает снег,
Так и молодость пройдет.

На деревья иней лег,
Но его смел ветерок,
Так и молодость пройдет.

Росы пали на поля,
Солнце сгонит их, паля,
Так и молодость пройдет.

Я, Тилли, твержу давно:
— Пейте юности вино:
Дважды молодым не быть!

Ай-гай! Напев есть сердцу милый,
Да грудь печаль-тоска стеснила.
Лишь хмель один
Сильней кручин.
Тилли, проверь-ка хмеля силу!

Все пой да пой, вы просите меня,
А ведь не настоящий мастер я.
Но коль спою то, что люблю я,
И мастерам не уступлю я.

Коль восемьдесят восемь есть стихов
И девяносто девять к ним ладов,
Но нету времени их слушать,
Не спеть ли то, что греет душу?

Ай, желтый стол у вас и чалый мед!..
А если песнь за сердце не возьмет,
Коль песню не найду такую,
Что скажете, когда уйду я?

Ковши резные подавались мне,
Меды хмельные наливались мне,
От яств стал крепкий стол ломиться,
Пусть все вернется к вам сторицей!

Так будем веселиться мы и петь,
Плясать давайте лихо и шуметь —
Никто два века в мире не жил,
Никто владыкой мира не был...

Сто семьдесят, слышь, лип свалил я,
И белый дом себе срубил я,
И сорок, верь, локтей сукна
На лестницы в нем постелил я.
Перила лестниц тех обил я
Пятью локтями плиса, верь мне!
Чтобы албастам* открывать
Приятно было гостю двери,
Пришлось в Казани заказать
К ним петли все из желтой меди,
Пришлось те петли прибывать
Гвоздями все из красной меди.
На ручки серебро пошло.
Чтоб было в горнице тепло
И чтоб Хертсурту** угодить,
Мне дюжину печей сложить
Пришлось из кирпичей, поверь мне.
Чтоб солнцу угодить с луною,
Пробил сорок одно окно я,
Их ярким шелком занавесил,
Над каждым клетку я повесил.
Чтоб каждый гость доволен был,
Кукушек в клетки посадил.
Когда приходит самый близкий,
Те, крылья распахнув, кукуют;
Когда пожалует, знакомый,—
Мотая головой кукуют;
Когда родные в дом заходят,
То дружно, как одна, кукуют;

* Албасты — духи дома.

** Хертсурт — домовый.

Когда чужие навещают,
То с перебоями кукуют;
А если парни в дом заглянут,
Кукушки радостно кукуют,
А если девушки заедут,
Они взволнованно кукуют,
А если дети приезжают,—
С задорным хохотом кукуют;
Коль прихвастнет хозяин дома,
Смолкают, как вот эта песня.

Надеясь, что кораллы есть на дне,
Я чуть не захлебнулся в глубине,
Но не было на дне коралла —
Течение только тину гнало.

Лишь добрым будь, как солнце по весне,
Придет к тебе почет, казалось мне,
Почета нет и не бывало —
Навек нужда ко мне пристала.

Нагрев светец, тускнеет уголек.
Но не беда, что этот свет потух.
Взгляните, как поголубел восток,
Послушайте, как голосит петух.

Эй, в кереге* уютном, старики,
Понятно ль вам его «ки-ки-ри-ки»?
Кричит он, что за днем идет другой,—
Не день проходит так, а век людской!

Эй, тетки, все бы тары-бары вам...
Кричит он, что радивая сурбан,
Вскочив, уже успела повязать,
А вы вчерашних не успели снять!

Эй, бравый парень, посиделок друг,
Послушай-ка, о чем кричит петух:
Настал рассвет, домой пора, друзья,
Порочить имя девушки нельзя!

Девичник свой, красавица, покинь:
Ты слышишь, что доносят петухи?
Буренка замычала: пить давай —
Скорее коромысло обнимай!

Эй, шустрые, кто на полатях спит!
О том петух горластый голосит,
Что тетушка вам печь блины спешит.
Вставайте: с пылу с жару — хороши!

* Кереге — лучшее помещение в доме, мужская половина.

Радужные сердца — что мурава...
Как щебет ласточки, звучат слова.
Ковш круговой испил до дна я,
Как выпить посошок — не знаю...

На небольшой поляночке сухой
Я разложу костер на час-другой.

Лежи, Сарбай, и сторожи уртмах,*
Я позабочусь, друг мой, о дровах.

Чтоб пала не было, я дерн сниму,
И два кола над ямкой подниму,

И маленький, как шляпная туля, —
Свой котелок над ней повешу я.

В нем чай вскипит из липовых цветов...
Но дело есть, пока он не готов.

Уртмах собою кряква заняла —
С нее оципдем перья догола,

И, опалив над пляшущим огнем,
В лопух мы птичью тушку завернем.

Да не забудем мясо посолить
И в огненные угли положить...

Дичь осенью особенно жирна,
А ножка подрумянилась, вкусна...

Бросаю в воду голову: зато
Их к будущему году будет сто...

Сарбай костями вкусными хрустит.
Он нагулял сегодня аппетит.

* Уртмах — мешок, сумка охотничья,

Уже садится солнце за леском.
В тиши пью чай я с молодым медком.

Сарбай привстал, он смотрит мне в глаза.
Я знаю что, коль мог бы, он сказал:

— Пойдем, хозяин, забирай ружьё,
Не то упустишь счастье ты своё!

Сторожко захожу в густой камыш.
Сарбай таится. Сумеречно... Тишь...

«Кря!»—раздается и в ответ: «Кря, кря!»
Зашевелился Черемшан, друзья!

Вот восемь уток молодых гурьбой
Летят, шумят над самой головой.

В тиши грохочет выстрел, словно гром,
Четыре утки пали вверх брюшком.

Сарбай стрелой летит из камыша,
Бросаясь вплавь, приносит их, спеша.

Добычу положил я в свой мешок.
Довольно! Завтра новую даст бог!

— Спасибо, мой работничек Сарбай!
Вернемся-ка, не жадничай, не лай.

В болото не зови меня опять,
Ведь завтрашнего дня не долго
ждать! —

Я это вслух собаке говорю
И щедрый Черемшан благодарю.

Раньше сам за образец я слыл,
Кунью шапку раньше я носил,
Верх у шапки — чистого тарая,*
Кисточкой серебряной форсил...

Раньше сам за образец я слыл,
Мой тулуп всегда распахнут был,
Кушаком был розовым он стянута,
Желтый лис от ветра грудь хранил...

Раньше сам за образец я слыл,
Из вигони варежки носил,
Сани — точно крылья, а рысак
Ветер бы и тот опередил...

Раньше сам за образец я слыл,
За сто верст к приятелям катил,
Был со старцем — старец, с юным — юн,
Речью бы любому угодил...

Раньше сам за образец я слыл,
Вмиг бы взглядом девушку сразил,
А мизинец полон был колец —
Лишь кивни, любую бы сманил...

Раньше сам за образец я слыл,
И в кисете счастье я носил;
Вспомнишь — то не жизнь была, а сон,
От него очнуться нету сил.

* Тарай — шелк тарайский.

По лугу ручей, журча, бежит,
Лишь в глубоком омуте кружит.
В сердце тишина теперь, покой,
Лишь от злых наветов грудь щемит.

Дует ветер, дует все сильнее,
Листья прочь уносит он с ветвей.
Ветер, волосы мои — не лист,
Лучше горе горькое развей.

Гуси с криком в воздухе снуют —
Иль внизу уж слишком илист пруд?
Ноет сердце и скорбит душа —
Иль меня одни печали ждут?

Сносное сулит ли жизнь житье,
Что б ни ожидало, пой, Тилли,—
Горести ль в запасе у нее?
В песнях утешение твое!

Ай-гай, шумит осенний лес, шумит,
Как будто мало он, кудрявый, рос.
А грудь горит, душа моя грустит,
Я смыл бы грусть-печаль, да нету слез.

Ай-гай, как ветер верховой свистит,
И косо желтый лист с дерев летит.
Не думаю — так будто нет забот,
Подумаю — так голова болит.

Ай-гай, вон облака плывут, взгляни,
Округлые, как серый след костра.
Проходят дни-года, а в памяти они,
Как будто сон, приснившийся вчера.

«Тилли, Тилли»,— в округе все твердят,
А знают, кто такой Тилли, навряд.
Плясать да бить в ладоши—ай, люли! —
Не значит быть похожим на Тилли.

«Казань,— твердят,— Казань, а мы-де — глушь...»
Да, из Казани мой отец Кируш.
Купцом стать капитала не хватило,
Сидельцем в лавке — гордость не пустила.

«Майра, майра*»,—твердят кругом с утра.
Да, мать моя красавица-майра.
Умыта молоком цежёным,
Спеленута холстом беленым,
В Казани первой, говорят, была.

* Майра — так называют русских женщин чуваша и другие тюрко-язычные народы.

Сыграть бы мне на скрипке, да боюсь —
По струнам огонек не побежит ли,
Натруженный смычок не задымит ли,
Мне бороду огонь не опалит ли?

Мне песню бы запеть, да я боюсь —
Вдруг крылья мой напев не обретет ли,
И крылья те, взлетев, не распахнет ли,
Мне сердце этот взмах не разорвет ли?

Сплясать бы от души мне, да боюсь —
Чуваши вслед за мною ведь запляшут,
Не треснет ли тогда земля, как чаша,
Не станут ли все клясть тогда чувашей?

Я в лес помчался на лихом коньке
И спрятал грусть свою в березняке:
Коль в голове держать свои печали,
Заговорят ведь, как о чудеке.

Ходил-бродил у Черемшана я,
Нет даже горсти хмеля у меня,
Хоть я и дожил до преклонных лет,
Мне завещать вам нечего, друзья.

Изменчива, капризна дней река,
Скамейка жизни, ох, как широка.
Чтоб разгадать загадку бытия,
Жизнь человека, видно, коротка.

Скажите мне, скажите,
Небес прекрасных полотно —
Вот эта синева в зените
Что? Середина или дно?

А солнце пламенное это —
Из нитей золотых клубок,
Кто покатыл по белу свету?
Кто этакое сделать смог?

Скажите мне, скажите.

Великая какая сила
Луну, как лысину мою,
И звезды неба округлила
И нашу землю сотворила?

Скажите мне, скажите.

Куда ступить ногой, не знаешь:
На речке камни-голыши
Или непаханная залежь
Всегда ли были без души?

В сарае кирпичи леплю я,
Вдруг голос тонкий, неземной:
«Побережней... едва терплю я...
Я был тобой, ты станешь мной...»

Процеживал я в ласи* пиво
И чуть седьмой ковш осушил,
Услышал, как кувшин игриво
Со мною вдруг заговорил:

«Я кринка тонкая сегодня,
А я ведь девушкой была...
Ах, как бы, старый греховодник,
Тебя я крепко обняла!..»

У Волги я сидел без дела
И камешки перебирал.
Взял в руки камешек я белый
И вдруг такое услышал:

«Я был и сердцем полководца,
Я был и медом и травой,
Так дай погреться мне на солнце,
Оставь, шагай своей тропой...»

* Ласи — летняя кухня.

Коль на пчельник забрели,
То, наверно, невдали
Вы увидите, ребята,
Скоро лысину Тилли.

Что он делает? Играет,
Скрипку петь он заставляет.
Матка, голос скрипки слыша,
Далеко не улетает.

Успокоенный игрой,
Собрался на вязе рой.
Поспеши, Тилли, с лукошком
И ковшом его накрой.

Золотистая пчела
По щеке моей ползла,
А ужалить не решилась —
Жизнь и пчелка берегла.

Ах ты, труженик-малыш,
Ты за взятком, зная, спешишь,
А хозяина-то знаешь:
Слышу, ласково гудишь.

Что же сделает Тилли,
Если в гости вы пришли?
Крепкий сим* Тилли нацедит,
Чтоб отведать вы могли.

Тем хвала, кто сок земной
Превращает в мед хмельной.

* Сим — медовый напиток.

Слава, слава изобилью,
Солнцу с щедрою весной!

Гости, пейте на здоровье!
Подношу я вам с любовью.
Пусть и в будущем году
Пир такой же приготовлю!

Зашел я в караулку, в сени,
Где у начальников конторы
Просил народ, став на колени,
Чтоб снизили свои поборы.

А староста со старшиною
Сидят в избе при всех медалях,
Лежат и розги там горою,
И писарь чиркает в скрижалях...

Ай-гай, ни ржи нет, ни пшеницы.
В Макарьеве барыш не взял я,
И золото под половицей
Про черный день не закопал я.

И пол обмел я бородою,
И, обругавши для начала,
Всю спину мне ожгли лозою,
И дума в голову запала:

«Коль есть владыка мира правый,
Что ж слабо у владыки зренье,
И чтоб же я, как червь безглавый,
Сношу безропотно глумленье?»

Не развязать ли мне, ребята,
Такмак*, в каком я песни спрятал?

Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата.

Приклад тяжелый, штык твой острый...
Служить царю полжизни просто ль?

Чуваш терпел,
Хотя кряхтел,
Вот борода и стала пестрой.

Мы в море веслами махали,
На горы голые влезали;

Высок Кавказ:
Слеза из глаз —
Так вечные снега сверкали.

В горах крутых, на ровных нивах
Душ сирых больше, чем счастливых.

Един лишь свет,
А судьбы — нет:
У этих блага, те — чуть живы.

Беда — что ком, судьба — что желоб.
Нрав у небесных сил тяжелый:

Хотят — сомнут,
Хотят пошлют
Тому — орех, тем — горький желудь.

* Такмак — кожаная сумка, переметная сума, торба.

На час я развязал, ребята,
Такмак, в котором песни прятал.
Напев таков
У рекрутов,
Что тронул он Тилли-солдата...

Мои мечтанья с трубочным дымком
Растаяли, свернувшись завитком,
Надежды, потонув на дне ковша,
Заглохли, как зерно в песке сухом.

Не зря в народе присказка живет:
На бога понадейся — сук проткнет.
Поверив человеку, в грех впадешь.
Кому же верить? Вот ведь переплет!

Слуге поверь — останешься без глаза,
Жене — так потеряешь оба разом.
Верь псу: он руку лижет без обмана,
Вот что Тилли подсказывает разум.

Пойдем, Сарбай, безмолвный друг хороший,
Давай с тобой побродим по пороше,
В лесу добудем тетерева, что ли.
У многих, друг мой, жизнь гораздо плоше!

Есть птица у меня ручная,
На волю выпустить мечтаю,
Да вот, когда открою клетку,
Как поведет себя, не знаю.

На чье плечо присядет птица?
Какой он песней насладится?
А если в час печали сядет,
Печаль той песней утолится?

Вот про меня твердили: хват —
Не тонет, не горит солдат,
В беде на миг не оробеет...
И нынче то же говорят.

А вот каков на самом деле?
Не стала ль борода куделью?
Мы, отхлебнув из чаши жизни,
От магсымы* не захмелели?

Пока смышленных песни учат,
Пока не путаюсь в онучах,
Быть может, к праотцам, друзья,
Отправиться мне было б лучше?

Без кашля хорошо б свалиться,
Покуда трубочка дымится,
И, коль по правде, то пока
Язык мой острый шевелится.

Споткнуться может конь здоровый,
Но фыркнет и бежит он снова,
А вот у клячи, что споткнется,
Прочь отлетают все подковы.

* Магсыма — напиток, слабое пиво без хмеля.

Юрсты* постигнет неудача —
Встряхнется и споет иначе,
А если кто поет без лада,
Мне вспоминается та кляча.

Погода — ад, дорога — жуть.
Все вехи скрыла вьюги муть,
Своей рябиновою палкой
С трудом нащупываешь путь.

Мечта твоя летит вперед,
А счастье позади бредет.
Коль жребий выпавший обманет,
Никто другой раз не метнет.

Всё переменчиво на свете,
Да вот о трех концах все плети.
Добро б один конец задел,
Увы, хлестнуть все разом метят!..

Царь на земле, на небе — бог.
Кто б сильному перечить смог?..
Один Тилли поносит власти,
Что гнут людей в бараний рог.

* Юрсты — певец-мастер.

Барышники, гляжу, коней сбывают.
Эх, серые, как шеи выгибают!
Как вспомню свою юность-аргамака,
Так в старом сердце слезы закипают.

Глашатаи в усердии великом,
Чтоб залежь сбыть, вращают шапки с криком.
Ах молодость, ни за какую цену
Тебя не купишь: ты не мёд, не лыко...

Вон мерят ситцы ловкие купчины.
В руках играют желтые аршины.
В любом аршине лишь четыре пяди,
Куда б ты в этом мире взор ни кинул.

Китаец фокусами завлекает:
Булатный нож при публике глотает.
А я устал от скоморошеств жизни,
И сердце отдохнуть уже мечтает.

Летит косяк гусей над большаком,
В пути непросто править косяком;
Кто выводки беспечные сберег,
В последний раз помчался вожаком.

На белый свет я появился голым,
Уйду в рубахе белой, тих, как голубь.
Тот свет мне, благочинный, не сули:
И этим-то я сыт, хоть мучит голод.

Ай-гай, не стал бы пить, не стал бы,
Уху к вину варить не стал бы —
С похмелья голова болит,
И больше я дурить не стал бы!

Но что же делать без вина,
Когда лишь только вполпьяна
Я вижу птицу, что весельем
Зовут, и мне поет она?

Тогда я молод и богат,
И тараканы, мнится, клад:
Горят, как золото, они,
И мне тогда сам черт не брат.

«Пей,— говорю себе я,— старый,
Цени работу пивовара,
Вслед за ковшом пой по сявре*,
Ведь ты рожден юрсты недаром!»

* Сявра — куплет песни, строфа.

Ай-гай, хочу я спеть, да не в ударе.
Ни у кого в запасе века нет.
А будь не так, тогда, пожалуй, баре
Собой заполонили бы весь свет.

Когда проходит солнце полдороги,
До сумерек, кажись, подать рукой,
И думается: радости, тревоги —
Все позади, а впереди — покой.

В окне бело, успела ночь уйти,
А я не мог уснуть, и ум был ясным.
Головушка моя, ты не грусти,
Считая и рождение напрасным.

Хертсурт, избы хранитель нашей,
Тебе варю я полбяную кашу.
За то, что будет сытной, сладкой,
Огню погаснуть не давай,
А ночью ты не шарь по лавкам,
Мою старуху не замай!

И ты стареешь, мой Сарбай,
Как люди-человеки.
Совсем заглох твой звонкий лай,
И пожелтели веки.

Уже и слух твой ослабел...
Где силушка былая?
Бывало, пчельник весь гудел
От заливного лая.

Когда меня ты, друг, встречал,
То мчался издалече
И прямо в губы целовал,
И лапы клал на плечи...

Когда по всполью я шагал,
Бросался ты с проселка
И шутки ради в поле гнал
С лужайки перепелку.

Теперь ты тих, угрюм и прост,
И с позевотой длинной
Качаешь медленно свой хвост,
Как маятник старинный.

Порою поглядишь в глаза
Пытливо, человечно,
Как будто хочешь мне сказать
По-дружески ты нечто.

А может, думаешь: «Беда!
Старик, как на пирушку,
Пойдет на зайцев и тогда,
Когда не видит мушку...»

Сарбай, жизнь — словно след от лыж.
Нам охать не пристало,
И мы обочинкой, глядишь,
Пройдем с тобой немало.

А там, по тракту, тарахтят
Обозы, мчатся тройки,
И господа в бобрах пыхтят,
Как поп после полойки.

А мы при виде ездовых
И шапку не ломаем:
Следы от лыж и от возков
Замечет вьюга — знаем!

А вьюга — это наша смерть...
Знай, рано или поздно
Над нами злая круговерть,
Сарбай, промчится грозно.

А мы пока по мере сил
Зайчишек все тревожим,
Где встретить вьюгу рок судил,
Того мы знать не можем.

С тобой, Сарбай, мы как лыжня —
Два следа неразлучных.
Я без тебя, ты без меня —
Подумать даже скучно.

Коль раньше ты помрешь, тогда
Из шкуры, я не скрою,
Уртмах сошью, чтобы всегда
Носить его с собою.

Коль во хмелю скончаюсь я
Там, в поле, на ночь глядя,
То на ошейник твой друзья
Мой перстенок приладят.

С ним вслед зайчишке ты скачи,
Загонишь, так для вида
Повой призывно, порычи —
То будет панихида.

Из корня вишни сделал трубку я,
Чубук я смастерил из бересклета.
Курил в печали, в радости, друзья,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Из липы ковш узорный резал я,
Над ручкой прокорпел я до рассвета
И медом ковш наполнил по края,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Из клена скрипку долго делал я.
Как девушка, прекрасна скрипка эта.
Играл в печали, в радости, друзья,
А жизнь моя прошла — за летом лето.

Зеркальце имел я небольшое —
Ясное да круглое такое,
Поутру в него смотрелся я,
Ввечеру в него гляделся я,
Да и не заметил, мой ровесник:
Все лицо, что рдело, как гранат,
Серые ряды морщин рябят.

Медный гребень с головой коня
Был на ремешочке у меня,
Поутру причесывался я,
Ввечеру расчесывался я,
Да и не заметил, мой ровесник:
Надо лбом, где словно рос горох,
Стало голо, словно чистый ток.

Два насеста белых кур имел я,
Тридцать две — и все, как кипень, белы.
Я зубами поднимал до пуда,
Перекусывал витые путы,
Да и не заметил, мой ровесник,
Как мои насесты опустели,
Как с насестов куры те слетели...

Не боялся никогда я сглазу,
Враг мой взгляд не выдержал ни разу,
Сам же гляну—дуб засохнет.
Лошадь различал я за пять верст,
Днем на небе видел россыпь звезд.
Как умру, зря пропадут глаза —
Даже жаль с такими помирать,
Но кому глаза мне завещать?

6. П. Хузангай. Песни Тилли.

Секрет бессмертия мне не был дан.
Ни Киреметь, ни Пюлех, ни Харбан*
На помощь нам прийти, увы, не могут.
Ну, как им мочь, когда они — туман?

Я жертвы приносил, постился я,
Чтоб грош сберечь, я не жалел рубля,
А меж иконой и простой доскою
Различия так и не вижу я.

Я видел солнце, блеск ночных светил,
Богатым был и нищим я ходил,
Но кто же мне на склоне дней моих
Сомненье это в душу заронил?

Богаче ли стал мир со мной? Едва ли.
Бедней ли будет, коль уйду? Едва ли.
Так для чего же рос я, гриб земной?
Чтоб снова в ту же землю закопали?

* Чувашские языческие божества.

Кудесники мне жизни не продлят,
Так где же чудеса в подлунном мире?

Ни слово мага, ни волшебный яд
Не смогут сердце старца сделать шире.

Пускай попы пекутся о просфорах,
Мне все равно два века не прожить.

Мулла, перебирая четки споро,
Не свяжет дней оборванную нить.

Возьму-ка лучше скрипку и смычок,
Развею грусть хотя бы на часок.

Седого старца в парня превращу,
А бабушку девкой в танце закручу.

Пусть парни в пляске скачут, как песты,
Пусть платьев развеваются холсты.

Пока я жив, соседушки мои,
Забудьте-ка про бедушки свои.

А то, боюсь, как справлю новоселье,
Совсем заглохнет в Сиктерме веселье.

У света суть четыре стороны,
На скрипочке четыре лишь струны.
Вас тоже четверо, мои сыны.
Что мне сказать вам, что вам завещать?

Наперстком пьешь — и то недостает,
Пьешь братиной — и то в достатке мед.
Что лучше, коль живет в согласье род?
Ну, старший сын, как будешь отвечать?

Что голову в сомнении склонил,
Второй мой сын? Есть два конца у вил,
Но сноп один ты, глядь, на них навил.
Сам вдумайся, как это понимать.

Ты ль, третий сын, подносишь ковш старинный
В смущенье мне? Ты стал уже мужчиной...
Хоть средний палец самый длинный,
Все ж трудно одному, ты должен знать...

А кто поцеловал меня с душой?
Не сын ли несмышленный мой меньшей,
В семействе нашем баловень большой?
На нем пусть будет неба благодать!

Когда навек глаза закрою,
Не лейте слез, друзья, родня.
Не плачьте, люди, надо мною,
В сырую землю хороня.

О дети, мы живем лишь раз,
И честь всего одна у нас.
Пусть на нее не сядет пыль.

Пегиль!*

Сородичи, единый корень
Взрастил нас — колос, полный зерен.
Путь вековой, мой род, осиль.

Пегиль!

Соседи, дружба грела нас,
Мой голос в памяти у вас.
Запеть заставили не вы ль?

Пегиль!

О земляки, по всем приметам,
Мы только гости в мире этом.
Не вмиг поймешь, где сон, где

быль —

Пегиль!

Земля родная, не томи —
Ты жизнь дала, ты и возьми,
Прими меня под свой ковыль —

Пегиль!

* Пегиль — благословение.

Для гроба дуб я распилил на доски,
Чтобы живым не доставлять хлопот.
Пазы и щели залил желтым воском —
Весной вода вовнутрь не попадет.

И каждый день с тех пор зимой и летом
Смотрю я на приют предвечный свой.
Хочу проститься раньше с белым светом,
Чем сам он распрощается со мной.

Родился я, сжав пальцы в кулаки,
Как будто говоря: «Мой это свет!»
Умру, так обе разожму руки —
В моих горстях богатств не будет, нет.

Пятак в могилу бросьте, как ведется,
Чтоб под землей мог свет увидеть я,
Пусть у могилы песня раздается,
Пусть с плясками расходятся друзья!

Природа — я все больше в это
верю —
Смеётся над тобою, человек.
Единый раз лишь распахнутся двери
И, хлопнув, закрываются навек.

Откуда мы являемся? Кто знает!
Куда идем, покинув белый свет?
В песках сыпучих ветер заметает,
С земли дожди смывают легкий след...

А сколько разноравных, разнолицых
Протопало по тем путям людей!
И все же я на вспаханной землице
Хочу оставить след своих лаптей.

«Тилли загадку загадал нам, что
ли?» —
Могли б спросить ровесники-друзья.
Что лапти! Я хотел бы, чтоб на воле
Осталась песнь любимая моя!

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
Я прошу утешиться, кто плачет.
Есть у жизни гаснущей наследник,
Не пустеет белый свет наш, значит.
Меркнет взор. Пришел мой час последний.

Я прошу утешиться, кто плачет.
Соль от слез испортит даром зренье.
Мы ведь рядом с теми, кто судачит
О кончине нашей, о рожденье...
Я прошу утешиться, кто плачет.

Есть у жизни гаснущей наследник,
И к чете всегда приходит нечет.
Всех грачей весною спрячет ельник,
А в отлет полнеба крылья мечет.
Есть у жизни гаснущей наследник.

Не пустеет белый свет наш, значит.
Вон меня и внуки окружают.
Жаль бездетных: ведь у них иначе —
Им глаза чужие закрывают...
Не пустеет белый свет наш, значит.

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
Разом все сбываются мечтанья.
Что искал — обрел; желанья — бредни:
В горсть земли вмещаются желанья.
Меркнет взор. Пришел мой час последний.

1933—1940

Буря мглою небо кроет...

А. П у ш к и н

... Россию Пушкин мне открыл.
Когда окно с одною рамой
Напоминало глаз бельмастый,
И в дверь, обитую рогожей,
Заиндевевшую в мороз,—
Чуть приоткрой ее — врывался
Клубами воздух ледяной,
А в еле видной из-под снега
Печной трубе выл ветер вьюжный,
Мне чудилось: живет на свете
Волшебник-мастер, что умеет
Из этой стужи неуютной,
Из вихрей, льда и снега делать
Слова прекрасных чистых песен,
Сверкающие, как алмаз...

В бураны непроглядной ночью
С поземкой, с ошалелым свистом,
Чтоб путнику не заплутать,
Бил в колокол церковный сторож.
Во тьме далеко звон унылый
Летел в заснеженное поле.
Бил с передышками звонарь:
Ударит раз, другой... десятый
И ненадолго замолчит.
В тот самый миг в моей груди
Как будто что-то обрывалось,
По коже пробежал озноб;
В огромном мире человек
Казался жалким, беззащитным
И неустроенным созданием.

Мать, сидя за гудящей прялкой,
Заслышав колокольный звон,
Придерживала колесо,
В окно глядела и вздыхала:
«Ах, боже наш! Пускай никто
Со следа не собьется нынче,
Пусть не свернет с дороги конь,
Пускай гужи не оборвутся...»

А в книге, на столе белевшей
Под тусклым огоньком мигалки,
Такая же крутилась вьюга,
В сугроб кибитка зарывалась,
Возница заставлял коней
Месить глубокий рыхлый снег,
И полосатые столбы,
Пред взором седока мелькнув,
Во мгле тотчас же пропадали.
Он слушал песни ямщика,
То грустные, то удалые,
И, одинокий, ехал, ехал...

Куда, зачем спешил в пургу
Ездок, сумевший растопить
Кипучей кровью африканской
Лед северной унылой скуки?
Что там искал он? Что пленяло
В просторах русских бесконечных
Воображение его?
Что б ни было — его удел,
Его судьба неотразимо
Влекли мой отроческий ум,
И думал тайно я в тиши:
«Мне с ним бы в дали снеговые...»—
Он для меня был всей Россией!

Я Пушкин просто, не Мусин.
А. П у ш к и н

Жил в тридцати верстах от нас
В селе Бездне какой-то барин.
Не помню имени его,
Но в этом нет большой беды.
Я слышал, что лет сто назад
Селенье русское с названьем,
По ближней речке кем-то данным,
Считалось вотчиною графа
Мусина-Пушкина. Его-то,
Как сказку страшную, поныне
Односельчане не забыли.

Случилось так, что крепостной
Антон Петров, мужик бесстрашный,
Округу поднял на восстанье.
Селений сто, а то и больше
Пошло за смелым вожаком.
Прослышав о безднинском бунте,
За вилы и за топоры
Взялась повсюду беднота.
«Антон,— кричали,— знает правду
О нашей воле, о земле!
Он царский манифест читал!
Земля за нами! Спину гнуть
На бар не станем больше! Хватит!
Пришла, ребята, к нам свобода!»
Так гомонила гольтьба,
И ополчались на господ
Деревни, волости, уезды.

Жестоко генерал Апрашкин
Мятеж крестьянский подавил.

По безоружным мужикам
Войскам он дал приказ стрелять,
Колоть их пиками, рубить!

Кололи, вешали, секли...
Петров был схвачен. Без суда
Для устрашенья бунтарей
Его на месте расстреляли.
Свершилась казнь, но разве можно
Убить народную мечту,
Засечь народную надежду?!

В туманном Лондоне гремел
Набатный «Колокол». Европу
О зверствах Герцен известил.
Конечно, этот дальний звон
Не слышали односельчане,
То был бесписьменный народ.
Но не забыт «Андун Петрух».
От поколенья к поколенью
У нас передавалась повесть
О смелом русском человеке:
«По-разному в России жили...
Бездна вон... Барские крестьяне
Погорше нас хлебнули горя!
Менял их барин на собак,
Проигрывал и продавал;
Невест крестьянских он бесчестил...
Не захотел смельчак Андун
Сносить позор, не пожалел
Своей удалой головы,
Сложил ее за мир крестьянский...»
Вот шли к нам отзвуки какие
От бурь, гремевших над Россией.

Понятна мне времен превратность.

А. П у ш к и н

Домой по Волге возвращаясь,
Бездну я проезжал не раз.
Деревню эту в честь Петрова
Антоновкой теперь зовут.
Остался в памяти людей
Вожак крестьянский. Читит народ
Своих героев беззаветных.

Высоким тыном от соседей
Чувашский мир не отделялся.
Ходили земляки мои
По всей России необъятной.
В приволжских городах торговых
Кипели страсти; чистоган
Владел сердцами их степенств...
Обман, мошенничество, взятки...
Из всех губерний мужики
Тянулись к волжским берегам.
Они раскрашенные ложки
Несли на шапках: так виднее...
Харчи хозяйские, а сила
Твоя — валяй, тяни, бурлак!..

Неподалеку от Бездны
Есть русская деревня. Ею
Владел помещик Арыстух —
Так наши деды называли,
А как по-русски звался он,
Наверное, никто не вспомнит...
Бывало, в праздник старики,
Родни обширной патриархи,
Народ веселый, башковитый

И острословы хоть куда,
Любили под хмельком шутить:
«Теперь бы к свату Арыстуху
Не худо было бы заехать,
Ещё разок попировать!»
Коль удивлялась молодежь,
Мол, как же так—помещик, барин—
И вдруг простым крестьянам сват,
Так старики им говорили:
«Про то вам невдомек, конечно,
Да мы и сами это знаем
Со слов давно умерших дедов:
Из русских наша прапрабабка.
Да, да, сынок, не позабуди!
Мать рода нашего большого,
Хранительница очага,
Была из крепостной семьи,
Принадлежавшей Арыстуху.
Сто с лишком лет жила она,
Сурбан носила, как чувашка,
Богам чувашским поклонялась
И говорила по-чувашски
Свободно, как вода течет...»
Россия, древняя загадка!
Могучая, лихая сила!
Как разгадать, понять тебя?
Спасибо бабке-россиянке!..
Чуваш, как перекаати-поле,
Носился некогда по свету.
Он, видно, был из беспокойных,
Коль занесло его в Казань...
Как долго прожил там земляк,
Счастливо или несчастливо —
Кто знает! Но как раз в Казани
Сумел он русскую пленить,

Вернулся с ней в свое село,
И прозван был у нас К а з а н е ц:
Пристала крепко эта кличка:
Когда в том надобность была,
Он и писался: К а з а н к о в.
Род Казанковых разрастался,
И нынче нас уж полсела.
В дни возрождения народа,
Когда в истории впервые
Мы в автономии чувашской
Хозяевами стали сами
И жизни и судьбы, решил я
Назваться на чувашский лад.
Казань по нашему — Хузан,
Так Казанков стал Хузангаем..
Перед тобой в долгу я, Русь.
Когда и как я расплачусь?!

4

Дела давно минувших дней...

А. П у ш к и н

Кто скажет, русская прабабка,
Как выглядела ты? Никто!
Картин с тебя не рисовали,
Не помнят, где твоя могила,
И даже имени не помнят...
Да. Не дворянкой столбовою
И не из княжеских хором —
Была ты дочкой хлеботороба
И вместе с барыней своею
Попала, говорят, в Казань.
Ты не смотрелась в зеркала:
Прислуживая госпоже,
С неё ты не спускала взора.

7. П. Хузангай. Песни Тилли.

Проворной, точно трясогузка,
Была ты, и любое дело
Горело у тебя в руках.
Но душно сердцу твоему
В покоях барских, видно, было —
На волюшку рвалось оно...
Голубоглазая девчонка
С ковыльной толстою кобою,
Ты как-то выбежала в сад
И встретила там парня: Тот
Был смуглолицый и курчавый,
Сияли черные глаза:
Был скромн молодой чуваш,
По-своему любезен, вежлив,
Немного говорил по-русски,
Вид городёкой имел: не лапти
У парня были на ногах,
А сапоги, пусть из дешёвых;
На плечи юноша накинул
Кафтан фабричного сукна
С бортами; спереди виднелась
Расшитая его рубашка...
Купцом заправским стать — нет денег,
Холопом у купца — обидно...
Взглянул на девушку чуваш
И вздрогнул: синие глаза
Влекли его к себе, как омут,
Крутящийся бездонный омут,
Что по весне на быстрине
Реки разлившейся увидишь.
«Эх, утону — так утону!» —
И он заговорить решился...
Что в голосе его в тот день
Тебе слышалось и что
В глазах его продолговатых,

Блестящих, черных, точно уголь,
Ты разглядела — мне ли знать?!

Тогда чугушка не ходила,
Не слышно было пароходов,
Но все-таки однажды ночью
Не то пешком, не то в телеге
Поспешно пара молодая
Прочь из Казани подалась.
Все дальше белостенный город —
Поди, настигни беглецов!..

Что заставляло чуваша
В избу курную возвратиться?
Что потерял он, что искал?
Во что поверив, ты пошла
За этим черноглазым парнем
Навек из города большого
В далекий край, в медвежий угол,
В деревню тихую, лесную,
К язычникам, прабабка наша?
Никто об этом не узнает.
Известно у чуваш присловье:
«Живет в нас то, что нас сильнее...»

Сыграли свадьбу по старинке.
И молодых благословили:
«Срок первой ночи — сорок лет...
Вдвоем вам лечь — троим подняться!..»

Красивых дочек и сынов
Рожала русская невестка,
Кровь рода с нею обновилась.
Могучие дала природа
Ей чресла; через каждый год
Целебным сладким молоком,
На зависть бабам, наливались
Большие груди молодайки,
Похожие на два ковша,

Что опрокинуты вверх дном.
Она рожала в пятьдесят
И больше века прожила.

Издали ее детишек,
Светлоголовых, сероглазых,—
Полуславян, получуваш,—
От прочих отличали. Все же
Они смуглели, подрастая...

Согласью этой дружной пары
Недаром удивлялись люди:
Она оставила на свете
Потомков крупных и горячих —
Наездников неутомимых,
Охотников и рыболовов,
И бортников, и землепашцев,
И плотников, и кузнецов.
Когда же наступало время
Садиться на казенный хлеб,
Шли эти парни в гренадеры...
И музыкантов, и певцов,
И сказочников-фантазеров
Всегда у нас в роду хватало!

Прабабка, русская душа!
Осталось ли во мне немного
Той крови, что текла в тебе?
Хоть синь очей твоих славянских
В глазах потомка не сверкает,
Но в жилах у меня, наверно,
Есть несколько горячих капель
Твоей неугомонной крови;
Они, быть может, и родили
Огонь неутолимой жажды,
Влекущей сердце в путь-дорогу,
Чтоб видеть с каждым днем все больше
И на земле, и в небесах...

О безымянная, простая
Красавица из неприметной
И тихой русской деревеньки!
Давно хотел я посвятить
Тебе нежнейшую из песен,
Хотел я словом воссоздать
Черты, в сердцах еще живые:
Ты тоже для меня — Россия!

5

... И назовет меня всяк
сущий в ней язык.

А. П у ш к и н

Республика моя на карте
Напоминает сердце: к югу
Направлена его верхушка,
На севере — аорта — Волга.
Минуло не одно столетье
С тех пор, как бьётся небольшое,
Но чуткое к добру и злу,
Отзывчивое сердце это
С великодушным и открытым
Российским сердцем в унисон...

Я был в селенье, чье название
Взял как фамилию себе
Великий следопыт Востока,
Чувашского народа сын,
Китаевед монах Бичурин.
Да, тот Бичурин Иакинф,
Друг Пушкина и декабристов,
Бунтарь и вольнодумец в рясе.
Бичурино почтило память
Славнейшего из земляков

И пригласило в день столетья
Со дня кончины Иакинфа
Писателей, ученых наших.
Здесь, впрочем, мало кто слышал
Его монашеское имя,
Всегда тут люди называли
Односельчанина по-свойски —
Никита Яковлевич: так.
В миру ученый схимник звался.
В селенье с гордостью великой
Из поколения в поколение
Передавалось, что в столице,
В далеком Питере, есть свой —
Бичуринский — мудрец и книжник...

 Был летний вечер. В сельском клубе
Уже прослушали доклад,
И высыпали все на площадь,
Где будут песни и стихи:
Желающих послушать много,
Клуб не вместит и треть из них.

 По малым рекам, по оврагам,
Сквозь рощицы и сквозь дубравы,—
Поверх дубов, выдавших виды,
Встречавших все без удивленья,
Вершинами едва кивнув,—
К нам с ветром тихим и прохладным
Дыханье Волги доносилось.
И я по-странному был полон
Всем пушкинским: вон на плоту —
На виселице — пугачевцы
Плывут вниз по реке... Три тела:
Два русских и старик чуваш,
Как описал поэт... А здесь,
В Бичурине, он побыл сам:
Ему на станции почтовой

Сменили лошадей, и дальше —
В Казань — его умчала тройка.
Мне слышался звон бубенцов,
Но с ним смешался звон кандалный:
Через Чувашию давно уж
«Владимирка» шагнула вдаль;
По ней прошли и декабристы.
Как говорят, заночевали
Они совсем недалеко —
В тюрьме цивильской пересыльной...

Да, полон Пушкиным я был.
И в это время по-чувашски
Послышались слова поэта:
«Юлдажым, шан...» — «Товарищ, верь...»
То коренастый восьмиклассник,
Сверкая черными глазами,
Свободно, смело, вдохновенно
Продекламировал стихи.

И вспомнилось мне тут, как сам я
Зимой, в буран, в лачужке темной,
Мечтая о путях далеких,
Листал страницы, спотыкаясь
О незнакомые слова...
Ну что же! Труден первый шаг.
А я шел ощупью среди ночи,
И лишь белки глаз лицеиста,
Искрясь, сверкали мне навстречу,
Как синеватый снег в бору.
Их чистый свет пронес я в сердце,
Преодолев преград немало,
Чтоб этот деревенский мальчик,
Читающий самозабвенно
Мой перевод стихов бессмертных,
Смог сделать всё, что я не смог,
А может, просто не успел:

Путь бесконечен, жизнь одна,
И нет предела совершенству...

Иди! Идущий путь осилит.
Держай! Ты тоже сын России.

6

Под небом Африки моей...

А. Пушкин

Передо мною фотоснимок,
Что сделан в пятьдесят восьмом
Незабываемом году.
В Ташкенте солнечном тогда
На многих языках земли
Гремело «Африка» везде
И «Азия» звучало всюду.
На этом снимке трое: слева
Татарский мой собрат и друг,
Я справа, а посередине —
Курчавый африканский парень
Из Камеруна. Пусть простит
Поэта юный камерунец,
Коль доведется прочитать
Ему вот эти строки, но
Подростком выглядит он, право,
В сравнение с нами. Не забыл
Я имени его, однако
Пока не стану называть...
Он, невысокий, точно вырос,
Когда заговорил с трибуны
И речью умной и горячей
Зал без остатка захватил.
Как гром, овация гремела,
Мы аплодировали стоя.

Но главное не в том. Друг другу
Дарили книги мы, и мне
Случилось с ним разговориться.
Вот тут и подоспел фотограф...

В беседе Пушкин был помянут,
И африканец мне сказал:

«Счастливец вы, доступны вам
Творенья этого поэта
На языке его родном;
Как жаль, что с ними я знаком
Лишь по французским переводам:
Ведь нам он — близкая родня,
Себя назвал он африканцем.

«Ему дал кровь я неплохую!» —
Мой континент сказать бы мог.
Прочсть его не в переводе —
Одно уж это заставляет
С годами русским овладеть...
Да, россияне, вы счастливыцы...»

Я камерунцу подарил
«Дом в Горках» — маленькую книжку.
Лишь переводчик наш умолк,
Друг поднял тонкий палец: «Ленин»?
«Так. Ленин,» — отвечаю я
И вижу, как глаза у негра
Сверкнули радостным огнем.
Он бережно подарок принял,
Перелистал, едва касаясь,
Страницы первые и снова
Задумчиво промолвил: «Ленин...»
Он понимал, конечно, кто нам
Открыл мир разума и солнца,
Мир светлый, пушкинский...

Россия,

И желтый материк, и черный —

Все смотрят на тебя с надеждой!
И счастлив я принадлежать
Отчизне тех, чьи имена
Прославили её навеки.
Горжусь тобой, страна моя!
Куда ни брось меня судьба,
Какое имя ни носи я —
Я твой, Советская Россия!

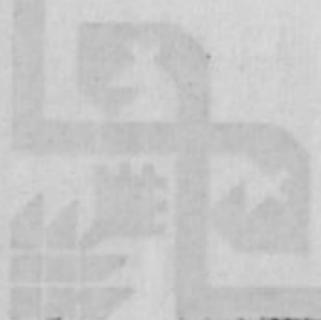
1960

И В ЗЕМЛЕ
НЕ ТЛЕЕМ

ДЛЯ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
М. П. [...]

Год выпуска: 1950
Экземпляр № 12345
9876543 21
1234567 89

Родимся, чтоб свет повидать,
Испить чашу жизни до дна,
А смерть неожиданно — хватя! —
Нам в зубы не смотрит она.

Но дважды обидней юнцом,
Пригубив тот ковш, умереть.
Но скольких горячим свинцом
Не в пору пометила смерть!..

Мужчина — во-первых! — солдат.
Сейчас тебе галстук к лицу,
А скинешь цивильный наряд,
Глядь — форма идет молодцу.

Прощай, гимнастерка моя —
Одиннадцать пуговиц и
Подкрашенный кровью в боях
Цвет хаки и латки твои!..

За мир кровь бери — что там пот!
На свете ж порядки свои:
Есть войны, несущие гнёт,
И есть за свободу бои...

Мы первыми бросили в мир
Наш лозунг
«Война — войне!»
Впервые военный мундир
Стал символом мира в стране.

Земля не видала до нас
Солдат, не принесших беды.
Всесветно прославлен сейчас
Цвет маленькой красной звезды.

Полвека стоим на посту:
Огнем полыхали года.
За правду — в крови и в поту —
Мы насмерть стояли всегда!

Мы — это, кто жив по сей час,
Мы — это, кто пал в цвете лет...
Солдат, ты так рано угас!
Прошел я короткий твой след.

Как бурею сорванный лист,
Ты пал, чтоб дать счастье живым.
Ты юн, ты безгрешен и чист.
Войди в книгу славы таким!

†

Йылгыш нынче в огоньках,
В окнах — желтый свет лучин.
В самых светлых уголках
Кучки тесные мужчин.

Есть кому «Канаш»* читать.
Школа в Элеке** не зря.
Люди мира стали ждать
После бури Октября.

Скинут царь уже давно,
А конца войне все нет.
Почему? Пока темно.
Ищут мужики ответ.

* Канаш — совет, здесь — название газеты.

** Элек — Аликово.

Смуглый парень, кудри — смоль,
С головой в статью ушел.
Кочет крикнул свой пароль,
Он и бровью не повел.

Он читает: «В Петроград
Нет Юденичу дорог...»
— Что? Юдене?* Вот так ят!*
Генерал — дурак!
Смешок:

— Будет вам! Не в том вопрос.
Ведь дурак на Питер прет!..
— Там ему расквасят нос! —
Зашумел в избе народ.

— Стойте, слушайте конец!
Ты, Прахвур, читай ёкорей.
Рад стараться юный чтец
Сын Ивана, грамотей.

Как-то раз Прахвур «Канаш»
С час прочесть не мог никак.
Разбитной, видать, чуваш
Написал стихи «Колчак»**.

Что ни строчка — смех берет.
Кто «гы-гы», кто — «хи-хи-хи».
И всю ночьку напролет
Проход вслух читал стихи.

«Колчака» шли прочесть
Из окрестных деревень.

* Юдене — выжил из ума; ят — имя.

** «Колчак» — поэма Ильи Тхти.

А потѳм пошло мелькать
«Врангель... Врангель...» что ни день.

С чем идет он? Чем грозит?
Врангель на чувашский слух
Сходно с ангелом звучит,
А на деле ж он — злой дух.

С ним — бароном черным — бой
Власть советѳкая ведет,
Поднимая за собой
Всю Россию, весь народ.

Мужиков, хлеб до зерна
Будто подмела метла.
Вот и Прохора война
В строй армейский позвала

2

Благославили мать с отцом,
Наставили его на путь.
— Сынок, будь всюду молодцом,
Со старшими послушным будь...

С тем, кто умней тебя, дружи,
Зря пуле лоб не подставляй,
Где б ни был, хорошо служи,
Не забывай родимый край...—

Как повелось из рода в род —
О сыне ли, о дочке ль речь —
Чуваш, напутствуя, дает
Завет один лишь — честь беречь.

— Гляди, сынок, не оплошай.
Держись в бою, крепись в пути.
Пусть будет имя чуваша
У всех других племен в чести...

Прахвур берет свою гармонь —
Сыграть друзьям в последний раз,
И, грея душу, как огонь,
Рекрутская вдруг полилась.

— Возьми гармонь свою с собой,—
Промолвил кто-то из родных.—
Вернетесь из дали любой,
Коль сам останешься в живых.

Прахвур глядит отцу в глаза.
— Бери! — тот головой кивнул.
А на щеке его слеза.
Он рукавом ее смахнул.

В бумажке, выданной ему
В Совете, лишь с десятков слов:
М о б и л и з о в а н ...
Да к тому
По-русски: Прохор Иванов.

Расселись рекруты. Двоим —
Одна телега. Затряслись...
Прахвур сел с другом. Видно, им
Одна судьба, что ни случись.

То Аристарх Андунов сын.
Соседи рядышком идут.
Из-за мужских широких спин
Ребят девичьи взгляды жгут.

8. П. Хузангай. Песни Тилли.

Притихли оба паренька.
Блестит зеленая дуга.
На ней трепещут два платка —
Кому-то жизнь их дорога.

Быть может, в двух шагах от них
Идут зазнобушки сейчас...
Околица. Среди нив родных
Мчит к Элек первый тарантас.

Потом свернет он к Едэрне,*
А там — прости, родимый край.
Куда мы держим путь? К войне!
Прощай, Чувашия, прощай!

3

Из Чикме, из Чебоксар ли,
В ночь ли, в солнечную ль рань
Вниз по Волге наши парни
Плыли в древнюю Казань.

Молодые. Вместе с веком
Годы начали считать.
Век же счет терял калекам:
За войной — война опять.

Бремя времени на плечи
Им, молоденьким легло.
Пал войны гудит, увеча
Каждый город и село.

В песне хоровой царя
Поминают, знать, не зря:

* Едэрне — Ядрин.

«Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.

Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее».

Песню споют и заводят опять.
Тянет Прахвура певцам подыграть.

Весь пароход уже знает слова.
Русские тут, чуваша и мордва.

Пристань. Татары садятся на ней —
Много здоровых и крепких парней.

Вот и Казань. Всех — на Арское поле.
Учат солдатским азам на приволье.

Слышится утром: «Подъем! Становись!»
Мигом колодезной ополоснись,

За три минуты оденься — и в строй.
«Ты—Красной Армии, слышь, рядовой!»

Многоязыкий казарменный шум.
Уйма знакомств, новых знаний и дум.

Левый Прахвуров по нарам сосед
Из Шангардама татарин Ахмет.

Правый — мариец Миклай из Чикме
Знает чувашский, силен и в письме.

Доля одна у них — в хаки одета,
Счастье лишь, может быть, разного цвета.

Знают: без крови войны не бывает,
Да ведь не всех на войне убивают...

До двадцати всем им год или два,
Чисты их души, поступки, слова...

Пороху даже нюхнуть не успев,
Каждый из них все ж по-своему лев.

Не за царя, не за веру падут,
А за свободу, за землю встанут.

В мире всего лишь два стана, два цвета —
Белый и красный, как знамя советов.

Все, что народы давило веками,
Встало сегодня под белое знамя.

«Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!»

4

День за днем прошли недели.
Подтянулась молодежь.
Командиры разглядели,
Кто к какому делу гож.

Как-то раз к Прахвuru взводный
Файзутдинов Гилемзят
Обратился в час свободный
С лаской, словно старший брат.

— Коль не против, подскажу я
Кое-что тебе, юлдаш*.

* Юлдаш — товарищ.

Ведь по всем статьям, гляжу я,
Не последний ты чуваш...

И газеты, вон, читаешь,
И по-русски ты горазд.
На гармошке так играешь —
В пляс пускался б всякий раз...

Я татарин из Казани,
С Волги сам ты, знаю я.
Оба мы с тобой крестьяне,
То есть вроде как братья.

Большевик я, значит — старший...
Знаешь, с чем к тебе пришел?
Марш нас ждет, а перед маршем
Ты вступай-ка в комсомол.

— Что сказать? Смогу ли? Сдюжу ль?
Ты подумать срок мне дай...
— Это правильно ты, друже,
Думай, Иванов, смекай...

Не попович ты, наверно,
Я не сын муллы. На нас,
На таких, как мы, примерно,
Власть советов оперлась...

В комсомол новорожденный
Не один Прахвур вступил.
Тесен день стал обновленный,
Но прибавилось и сил.

Стал пытливей, пожалуй,
Чем в деревне был, Прахвур.
Про Антанту нынче малый
Всем толкует в перекур.

Смысл и самый корень слова
Он недавно лишь открыл.
Вот в столбце газетном снова
Взгляд его уперся в «Крым»...

Пусть еще об Иванове
Врангель не слышал пока,
Но попортит белым крови
Имя красного стрелка.

Иванов! Кто сосчитает,
Сколько их на всей земле!
Но мечты их все читает
Человек один в Кремле.

Он, Иванов и Ахметов
Зная, говорит всегда:
«Верю в Армию Советов!
Верю в Армию труда!»

В дни боев, когда упрямо
Белых гнал на смерть барон,
Полетела телеграмма
Из Кремля на Южный фронт.

Слал приказ в разгаре схватки
Вождь соратникам своим
Белым наступать на пятки,
«На плечах ворваться в Крым...»

Для того разведать раньше,
Есть ли брод через Сиваш.
Зорок был и видел дальше,
Чем другие, кормчий наш.

Слушал, взвешивая, вести
И такой совет давал,

Будто сам с бойцами вместе
К Перекопу он шагал.

Телеграмму эту ночью
Фрунзе принесли в вагон,
И как будто бы воочью
Ильича увидел он.

5

С натугою вагоны тянет
Усталый, старый паровоз,
А чуть подъем—и вовсе встанет.
На станциях развал, хаос.

Страна в пожарищах, в руинах.
Угля, свинца, железа нет.
Нет хлеба в лавках, в магазинах...
Чем живы люди? Не секрет.

Есть долгожданная свобода,
Геройством хоть мосты мости.
Октябрь семнадцатого года,
Как солнце, светит всем в пути.

Но есть еще и злобный Врангель,
Расстрелы, муки, тиф — война.
С убийцей в адмиральском ранге
Не сразу справилась страна...

Поет, дымит махрой, смеется,
Храпит и спорит эшелон.
Вагон, как веялка, трясется —
Развеять мысли хочет он.

Чувашский парень из теплушки
Глядит на мир во все глаза.

Озимый клин у деревушки,
Пар черный, тощая коза...

Повсюду межи, межи, межи,
Полоски малые — что плат.
Большие взгляд встречает реже:
Видать — кто беден, кто богат.

Чем дальше к югу, даже хмурый
День с каждою верстой теплой.
О чем мечтают все Прахвуры
И Аристархи средь полей?

Быть может, им в теплушке душной
Все видится родимый край...
«Со старшими ты будь послушным!..
Чувашской чести не роняй!»

Подал голос Файзутдинов:
— Эй, товарищ Иванов,
Разгони печаль-кручину,
Раззадорь, что ль, плясунов!

И певцов не слышно что-то...
Время есть, пускай поют.
Ведь на фронте нам работу
Тяжелей, поди, дадут!

Там неделями гармошку
В руки некогда, брат, взять...
Эх, и мне хотя б немножко
Научиться бы играть.

Сел Прахвур. Ремень поправил.
Чтоб друзей повеселить,
Он гармонь свою заставил
По-чувашски говорить.

Аристарх Антонов тотчас
Покраснел, как нар-гранат.
То ль заплакать парень хочет,
То ль запеть с гармошкой в лад.

Только, как мотив ни тянет
Голос звонкий свой подать,
Все ж чуваш один не станет
Петь на людях иль рыдать.

Перешел Прахвур на песню
Всем известную давно.
Парни в круг сомкнулись тесный —
Спеть, сплясать ли — все равно.

Юрин, бравый русский парень,
Запевалой, как всегда.
Нынче, видно, он в ударе:
Песнь — что ключика вода.

«Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала...

С Красной Армией пойду
Я походом,
Смертный бой я поведу
С барским сбродом...»

Без нажима, без натуги
Юрин эту песнь ведет.
Не о брате, не о друге —
О себе самом поет.

Хоть недавно всех остригли,
Видно: Юрин рыжеват.
Что глаза его постигли —
Так насмешливо глядят?

Все зовут его Володя.
Он, смоленский, всем тут друг.
— Стойте, братцы! Тише вроде
Поползли мы что-то вдруг...

Станция. Здесь то ли встречный,
То ль попутный эшелон,
Пестрый, шумный, разноречный,
Как базар, шумит перрон.

— Янис! — Русому, такому ж,
Как и сам, кричит солдат.
Речь Прахвуру незнакома.
Не латышский ли отряд?

На путях солдат чернявый:
«Иштван!» — друга, знать, зовет.
То мадьяры. Видно, brave
И смекалистый народ.

Котелки гремят и каски —
Люди воду носят в них...
Два парнишки по-чувашски
Вспоминают о родных.

Вера в счастье в этот грозный,
Горевой, голодный год
Богатыркой краснозвездной
Всех людей к себе зовет.

6

«Каховка, Каховка!..» — поем мы сегодня,
В любом уголке эта песнь прижилась.
Каков же был подвиг, что имя то поднял?
Что значит название это для нас?

Каховка! Она для врага была страшной!
В строй белых полков, неприступный на вид,

Там в рубке жестокой, в боях рукопашных
В двадцатом году красный клин был забит.

Каховский плацдарм — называется это.
В газетах и книгах читаем о нем,
И словно б давно, далеко было где-то —
Но наших отцов жег он смертным огнем!..

Подходит туда эшелон с Ивановым.
Как водится — митинг. Слова — что набат!
Гармошка, забава дорожная, снова
Ложись отдыхать: нынче время гранат.

Слова комиссара весомы, как гири:
— В Крыму наших братьев в темницах томят...
Прихлопнем барона, тогда и о мире,
Товарищи, нам трубачи возвестят...

Барон будет бит, как Петлюра, как немец —
Вот так! — он двухцветный плакат вдруг раскрыл.
На свежем плакате том красноармеец
Во Врангеля штык свой трехгранный вонзил...

Каховка!.. О ней вспоминают недаром,
И песня о ней не стареет.

Тогда
Все стрелы на картах тянулись к Чонгару
И все наши пушки смотрели туда.

Остался в преданиях, песнях и сказах
Последний оплот беляков — Перекоп.
Но вовсе не ради хвастливых рассказов
Прахвур Иванов рыл свой первый окоп.

Он — только один из штыков в красноезвездном
Бесчисленном красноармейском строю.

Им зов Революции понят, осознан,
Собрал он всю силу и волю свою.

Да. Только один из штыков!
Но любой ведь
Из тысяч бойцов — человек, целый мир!
Несхожие думы, надежды, любви
Скрывает отрытый с трудом капонир...

7

В ставке или в штабе фронтовом
Люди мыслят крупно, взгляд широк.
Ведь у них в масштабе мировом—
Что там полк!—вся армия—флажок.

Карта в полстены, а карандаш
Обежит весь фронт за пять минут...
Здесь, в лощинке, русский и чуваш
По-пластунски к белым в тыл ползут.

Оба понимают хорошо:
Чтобы карандаш на карте той
Положил хотя б один штришок,
Надо ползать в тьме сырой, густой.

Надо ползать, может быть, всю ночь.
Скоро бой. Не все решает штык.
Штабу, чтобы им, бойцам, помочь
Нужен позарез сейчас «язык».

Чтоб себя не выдать часовым,
В ласок превратились два бойца.
То, что нужно штабу, нужно им,
Комсомольцам, юным храбрецам.

Донесется шорох или хруст —
Замирают парни. Вновь ползут.
Тени... Тени... То ль солдат, то ль куст...
Тянется, как год, пяток минут.

Сердце словно б на двоих одно
У таящихся в ночи друзей.
Чей-то голос!.. И пока темно,
Поползли ребята побыстрей.

Вот уж ясно, что один беляк
«Чубарики-чубчики» бубнит,
А напарник пьяного никак
Не уймёт и лишь «нишкни» твердит.

Комсомольцы ближе подползли,
Выхватил один из них кинжал.
— Одного! Другого не коли...—
Шепотом сосед его сказал.

«Ах!» — короткий вскрик. Упал беляк,
А другой, прикладом оглушен,
Как мешок с мякиною, обмяк.
Кляп. Веревка. Мигом скручен он.

А когда пришел в себя, его
Иванов кинжалом уколел:
— Ну, ползи давай, а то того...
К праотцам отпавишься, «орел!»

Помогли, толкая, беляку
Из окопа выбраться друзья.
Тот лежал покорно на боку,
Понимал, что рыпаться нельзя.

Руки ему Прохор развязал.
— Шевелись! Чуть что — тебе каюк! —
Дулом карабина потолкал
«Языка» в другой бок молча друг.

А когда уж добрались к своим,
Позади затавкали пулемет.

— Раньше бы хватиться надо им,
Нас теперь и пушка не возьмет!..

Привели в порядок беяка.
Снял Прахвур уже ненужный кляп,
И под смех и шуточки полка
Повели друзья растяпу в штаб.

Юрин впереди, за ним — беяк,
Прохор — замыкающим.
Навек
С Юриным он побратался так,
Знал теперь, что тот за человек,

Юрин в штаб вошел, чеканя шаг.
— Ваш приказ исполнен... Этот вот
Беячок, как видно, весельчак —
«Чубарики-чубчики» поет...—

— Говоришь, поет?—И комполка
Пристально на пленного взглянул.—
«Чубарики-чубчики»?

— Ага!..

— Лазаря б теперь не затянул!..

8

Мирно Юрин с Ивановым
Говорят между собой:

— Жив отец?

— Да был здоровым,
Как я шел сюда... А твой?

— Жив. И мать жива... А летом
Край наш автономным стал...

— Автономия? Что это?

Нужно ль?

— Ленин так сказал...

— Сам?

— Да! Областью отдельной
Стал весь край чувашский наш.
Городскою и артельной
Жизнью правит сам чуваш...

Юрин поразмыслил малость:
Что к чему не вдруг поймешь.
Столько за три года стало!
Разбирайся, молодежь!

— Велика Русь! Править ею —
Не пахать, не шубу шить.
Ленину в Москве виднее,
Как такой вопрос решить.

— Да,— сказал Прахвур,— конечно,
Видит он, ну все как есть...
Рад чуваш, что друг сердечный
Так воспринял эту весть.

Получив письмо из дому,
Он мечту свою таил.
Первый раз сейчас другому
Он заветное открыл.

А Владимир: — Так скажу я:
Ленина благодари.
Автономию буржуи
Век не дали б, хоть умри...

За народ за свой свободный
И за весь пролетарьят
Можно биться с кем угодно.
И с Антантой, верно, брат?

А кинжал в ту ночь неплохо
В ход пустил ты все ж... Мастак...
— Пусть гниет,— ответил Прохор.—
Я иль он ведь... Нынче так...

Был и я солдатом.
Снова
Чую смрад пороховой
На дороге Иванова —
Для меня он как живой...

Верст одиннадцать длиною
Ров. За ним Турецкий вал.
Неприступною стеною
На пути бойцов он встал.

Вечно крепкой дверью Крыма
Был он. Но велит приказ
Одолеть неодолимый
Не когда-нибудь — сейчас.

Двери Крыма... Для солдата
Это, может быть, межа,
Иль овражек, или хата,
Или затхлой лужи ржа.

Ведь в глаза курносой глядя,
Кровь отдашь за каждый шаг
Там, где уступать ни пяди
Без борьбы не хочет враг.

Через полосу «ничейной»
Он, зарывшись в грунт что крот,
С той же самой трехлинейной
Каждый шаг твой стережет.

Да и сам ты дома, может,
Не зарезав петуха,
Здесь стреляешь, колешь тоже
И не видишь в том греха.

Кровь, страдания... В селах пусто...
Так в любые времена.
Говорят, война — искусство.
Нет, проклятие война!

Будут ли народ с народом
Без оружия спор вести,
Духа
Сила и свобода
Будут ли одни в чести!

Я площадкой агадуй*
Землю видеть бы хотел,
Но пока — мы иль буржуи!
Смертный бой — вот наш удел...

Может, Иванов инако
Ворошил слова порой,
Ну, а мыслил, знаю, так он,
Так же чувствовал герой.

9

Революции третья осень.
Ночь что уголь — штыка не видеть.

* Агадуй — народный праздник.

9. П. Хузангай. Песни Тилли.

Ветер пылью окопы заносит.
Холод. Грязь. Долго ль здесь прозябать?
В Крым скорей бы — в просторы степные.
Накуриться б досыта хоть раз!
«Крым даешь с табачком!» — так иные
Шутят, чистя винтовки, сейчас.

Весть прошла по частям: «Прибыл Фрунзе!»
«Значит, скоро вперед «шагом арш!»
«Что ж, с победами Фрунзе в союзе...»
«Да, но как перейдешь ты Сиваш?»

Фрунзе лично маршрут уточняет.
В штаб дивизии прибыл и здесь
Приказал поискать тех, кто знает,
Где лазейка, хоть малая, есть.

Поискали. Народ отозвался.
«Здесь пройдешь... Здесь ни-ни — всем каюк...»
Самым сведущим тут оказался
Бедный местный рыбац Оленчук.

Фрунзе каждому слову, примете
Уделяет вниманье: — Итак,
Если с запада крепенький ветер,
Можно будет пройти? Или как?

— Коль, даст бог, не изменится витеер,
Дно побачимо ночью... По мне
Так и будет...

— Ну что же, ведите,
Доверяем, товарищ, вполне...

Ясно было, что в каждом вопросе
Мигом суть видел дядька простой.
Революции третья осень.
Начался ноябрь день шестой.

Завтра праздник, а воинам нашим.
Предстоит изнурительный марш.
Будет кровью солдатской окрашен
Заболоченный, топкий Сиваш.

Он гнилым называется морем.
Он — межа, ширью верст до семи
Между жизнью и смертью, где вскоре
Победишь или ляжешь костьми.

10

А где же Прохор Иванов?
Окоп он обжил и блиндаж.
При нем винтовка. Хоть не нов,
Да полон нынче патронташ...

В тылах гармоника его.
Пока на фронте тишина,
Обозников скорей всего
Бодрит и радует она.

— Эх, уцелел бы завтра сам,
Она б не стала сиротой...
Разбить бы Врангеля, а там
Конец войне — расчет простой.

Закоченели пальцы.
Их
Дыханьем пробует согреть.
Во мгле товарищей своих
Старается он разглядеть.

Направо Файзутдинов — тот,
Кто и учил и наставлял.
А слева Тарасенко ждет
Гонца из штаба иль сигнал.

Он постарел и похудел —
Годков с десяток лишних дашь.
Помкомполка ведь!
Поредел
Полк в тяжелой битве за Сиваш.

То ль что-то чуют беляки,
То ль, чтобы сон прогнать, палят.
Жужжат осколки, как жуки,
Когда взрывается снаряд...

Желанный ветер не утих.
Хотя покрылся бруствер льдом,
Бодрятся люди, ведь для них
Победа — жизнь, свобода, дом!

Сегодня праздник Октября.
К своей шинелишке сырой
Пришил все ж алый, как заря,
Кусочек ленты Прохор мой.

Кусок кисетного ль шнурка,
Сурбана ль матери клочок,
Иль от заветного платка
Был этот красный уголок?..

Какой-то всадник подскакал
И рядом осадил коня.
Узнали Фрунзе. Повторял
То имя целый полк полдня.

Хоть Тарасенко был готов
Рапортовать, но крикнул тот:
— Отставить! Ясно всё без слов...
В атаку ночью. Найден брод!

Слух по окопам пробежал:
«Сам Фрунзе с нами... Знать, не зря!»

Командующий поздравлял
Полк с годовщиной Октября.

Прощаясь, Фрунзе козырнул.
Еще раз грянуло «ура!»
И грозный орудийный гул
Донесся вдруг из-за бугра.

Над головою шелест, вой.
Тот берег словно дыбом встал.
Под этой бурей огневой
Враг почему-то замолчал.

Не ждали, что ль, отсюда нас?
Иль заготовили сюрприз?
Пехота в сумеречный час
В сивашскую ступала слизь.

Иван Иванов Оленчук
Ведет передних за собой.
Здесь тропочка, там яма вдруг...
«След в след! Нельзя идти гурьбой!»

Иван дошел до островка,
Дух перевел и шест опять
Ткнул в лужу. Та неглубока —
Путь можно смело продолжать...

Нет, нет да и на стан врага
Глядит Прахвур, глядит весь полк.
Жизнь в девятнадцать дорога —
Дороже только честь и долг.

«Скорей бы!» — эта мысль сверлит.
Она и силы придает.
На Волгу будет путь открыт,
Как только белый Крым падет.

Все небо в туче снеговой.
Глядит звезда в просвет с ладонь...
Жаль, на вечерках голос свой
Не подала его гармонь...

А есть кому скучать по нем.
Коль обещала, значит, ждет.
Быть может, вспоминает днем,
А вечерком и слезы льет...

Здесь, на ветру, все холодней.
Мерцают льдинки там и тут.
Наступишь в лужу, а по ней
Со звоном трещинки бегут.

Ушедшие туда, вперед,
Под пулеметные плевки,
В колючей проволоке ход
Проделали большевики.

Пехота подтянулась к ним,
За нею конники идут,
Артиллеристы... Тяжко им:
Сапог в грязи — без мала пуд.

Плотна полуночная мгла.
Она-то, может, и спасет.
А нет—так бранные тела
Теченье в море унесет.

— Плотней, ребята! —
Где-то тут
И Тарасенко. Прохор рад:
Бас командира узнают,
Его слова бойцов бодрят.

Он за спиной. А впереди
Еще почти что весь Сиваш.
Не отставай, тянись, бреди —
Послушен старшим будь, чуваш!

Идут они меж двух морей.
А перешеек узок, мал.
Эх, навалиться б силой всей,
И враг бы сразу побежал...

Вдруг осветился весь Сиваш.
Прожектор рассекает тьму.
Забил пушки. Все отдашь,
Чтоб на сухом быть самому!

Как будто спохватившись вдруг,
Залаял белый пулемет.
Еще! Еще!

А топь вокруг.

«За мной! — гремит приказ. — Вперед!»

И в этот миг один солдат
Запел «Интернационал».
За ним — другой. И весь отряд
Под песню тверже зашагал.

С винтовкою наперевес
Пел и Прахвур, спеша, как все,
Из гибельных болотных мест
К сухой, надежной полосе.

Уж берег в двух шагах. Но стал
Огонь сильней. А берег крут.
В руках врага Турецкий вал,
Оттуда, видно, пушки бьют...

Вот лопнул, сея смерть, снаряд.
Шрапнель летит, ища сердца.

Осколки в воздухе свистят.
Один найдет-таки бойца...

Прахвур еще со всеми пел,
И в грозный хор, когда шагал,
Хотя вдруг голос ослабел,
Частицу силы он вливал:

«... И если гром великий грянет,
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей...»

Прахвур все пел. И высоко
«... решительный,— он поднял,— бой»...
Но тут осекся. Над стрелком
Сверкнул разрыв, что был судьбой.

Как будто колотушкой в грудь
Ударило. Свет мраком стал,
И не успела кровь хлестнуть,
Как в воду юноша упал.

Он заслонял от смерти грудь,
Но был у ней на острие,
И боль не чувствовал ничуть,
Когда ушел в небытие.

А клич «ура! ура!» звучал
Уже на самом берегу.
Взял на себя удар, кто пал,
Живые смерть несли врагу...

Сиял в тумане солнца спол,
А Красной Армии полки
Зажали, взяли Перекоп,
Как две огромные руки.

Так вот в крепком рассоле
И остался чуваш.
Все невзгоды, недолю
Убаюкал Сиваш.

По привычке извечной
Ветер с сивым шалил —
То рекой быстротечной,
То болотом он был.

То притихнут два моря,
То бушуют они.
Что людское им горе?
Что им годы и дни?

Дунет ветер азовский,
И Сиваш забурлит.
Сколько тел он матросских
И солдатских хранит?..

Годы шаг ускоряют.
Чтоб от них не отстать,
Вся страна начинает,
Словно Улып, шагать.

Ради счастья живущих,
Славы павших в бою,
Строй! Храни еще пуще
Мать-отчизну свою!

На вечерках пространно
Вспоминают бойцы,
Где получены раны,
Потирая рубцы.

Не идет на попятный
Жизнь во все времена.

Наступил тридцать пятый,
Отшумела весна.

Но о жизненной прозе:
«Где достать бы свинец?»—
В присивашском колхозе
Думал местный кузнец.

Люди Павлова знали,
А кузнец знал Сиваш:
«И свинца, мол, и стали
Ты мне все-таки дашь»...

По свинец на рассвете
Он пошел, взяв багор.
Вдруг кузнец заметил
В ровной тине бугор.

Словно искры, сверкает
Соль на тине сухой.
Павлов ближе шагает:
«Лом, должно быть, какой?..»

А под тиной — ботинок,
И подковка на нем.
Стала ясной картина —
Человек под бугром.

Захватило дыханье.
Павлов к людям: «Мертвяк!»
Набежали сельчане:
«След войны то, чудак...»

И шинель и фуражка
Говорят, кто таков.
В кошельке есть бумажка,
А на ней—«...Иванов».

Вся шинелька истлела!
Тронешь — лезет сукно;
Солью личность разъело,
Цело тело одно...

Павлов думал о дальнем
Дне, пылавшем огнем.
Улыбнулся печально:
«И в земле не гнием!»

12

Вот и рельсы отгудели,
Смолк и старой брички ляг.
Выхожу, достигнув цели:
Это городок Армянск.

После двух иль трех вопросов —
В путь. Сомненьям места нет.
В память семерых матросов
Здесь поставлен монумент.

Близ могилы тех героев
И Прахвюра прах зарыт.
От дождей-снегов укроет
Навсегда его гранит.

Молча надпись прочитал я,
Поклонился земляку,
Возложил венок наш алый,
Свой цветок — к тому венку...

«Вот из без вести пропавших,—
Думал я,— один солдат.
А ведь как любил он ждавших
Мать, кого-то из девчат!..»

На ближайшей из проталин
Трепетал один цветок.
«Ты и сам подснежник, парень!»—
Я б сказать Прахвуру мог.

Чистотою схож с рассветом,
Ты из тысяч, павших здесь,
Не истлел один. И в этом
Может, знак какой-то есть...

Может, в том — предупрежденье
Нашей матери-земли:
«Род людской, на истребленье
Цвет свой ты в огонь не шли!»

Помню фото из музея,
Где с гармошкой ты сидишь...
С Крымом гибелью своею
Ты Чувашию роднишь.

Ради новых светлых ялов,
Всей России дорогой
Встретил смерть ты, как пристало
Тем, кого зовем — герой!

Пал ты, но непобежденным,
Путь открыв другим бойцам.
Проخور, край наш обновленный,
Слышишь, шлет тебе салам!

Наш венок увянет скоро —
Слишком уж нежны цветы,
Сгинет фото, на котором
Снят с гармошкой верной ты.

Даже надписи на камне
Вечность тоже не дана:

С нею в дружбе стародавней
Сила слова лишь одна.

Понял я, что сердце гложет
Песнь о юных днях твоих.
В нем себя увидев,
Может,
Сохранит народ хоть стих?

По твоим следам повсюду
Из Чувашии я шел
С мыслью, что в пути добуду
Тот, что крепче скал, глагол.

Не добыл ты, парень, с бою
Красный орден иль медаль.
Только каждою весною
Над тобой цветет миндаль...

«Неизвестные солдаты»!
Сколько на планете вас?
А ведь тем, чья слава свята,
Помогли вы в грозный час.

Шаг труднее верст бывает,
Пядь — чертою роковой.
Тав*, кто с вещмешком шагает
И с винтовкой боевой!

Стань, Прахвур, легендой, слухом,
Песнею лети в поля.
Отдыхай! Да будет пухом
Крымская тебе земля!

1967

* Тав — спасибо.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПЕРВЫХ СТИХОВ

«Кольцо с одним глазком жемчужным...»	7
«Ласточка легко взмывает ввысь...»	8
«Еще вчерашний день был пестрым...»	9
«В те дни, как талая вода...» . . .	10
«Гола осина...»	11
Чувашская вышивка	12
«Вновь тебя напомнила луна...» . .	13
«Как Сеспеля прозрачный стих...» .	14
«Вернуться бы теперь в деревню...»	15
«Так вот когда черным-черно...» .	17
«Напевным околдован я размером...»	19
«Тебя любил я...»	21
«Достаточно пожив...»	22

ПЕСНИ ТИЛЛИ

«Что разумеют, говоря «мегель»? . .	25
«Росли мы дружно...»	26
«Забрезжил свет предутренний...» .	28
«Мой дед в атласе...»	29
«Четыре дома — в них по милой...» .	30
«Вдоль села иду я етежкой...» . . .	32
«Я просыпаюсь дома на заре...» . .	33
«Когда просохнет холмик надо мной...»	34
«Отца с могучим львом сравню...»	35
«Пред воротами поклон...»	37
«У кладбища конь мой встал...» . .	38
«Немятым беленьким платком...» . .	40
«Спою, а что за песнь дадите?» . . .	41
«Отец мой не казанским был купцом...»	—
«Я на гору взошел...»	42
«Эй, вы, трубокуры, голь...»	43
«Лебедушкою милая была...»	44
«Конек в оглоблях норовистый...» .	45
«Ку-ку! Ку-ку! Звенит в лесу...» . .	46
«Землю покрывает снег...»	47
«Ай-гай! Напев есть, сердцу милый...»	—
«Все пой да пой...»	48

«Сто семьдесят, слышь, лип сва- лил я...»	49
«Надеясь, что кораллы есть на дне...»	51
«Нагрев светец, тускнеет уголек...» .	52
«Радушные сердца, что мурава...» .	53
«На небольшой поляночке сухой...» .	54
«Раньше сам за образец я слыл...» .	56
«По лугу ручей, журча, бежит...» .	57
«Ай-гай, шумит осенний лес...» .	58
«Тилли, Тилли» — в округе все твер- дят...»	59
«Сыграть бы мне на скрипке...» .	60
«Я в лес помчался на лихом коньке...»	61
«Скажите мне, скажите...»	62
«Куда ступить ногой, не знаешь...»	63
«Коль на пчельник забрели...»	64
«Зашел я в караулку, в сени...» .	66
«Не развязать ли мне, ребята...» .	67
«Мои мечтанья с трубочным дым- ком...»	69
«Есть птица у меня ручная...»	70
«Барышники, гляжу, коней сбы- вают...»	72
«Летит косяк гусей над больша- ком...»	73
«Ай-гай, не стал бы пить, не стал бы...»	74
«Ай-гай, хочу я спеть да не в ударе...»	75
«Хертсурт, избы хранитель нашей...»	76
«И ты стареешь, мой Сарбай...» .	77
«Из корня вишни сделал трубку я...»	80
«Зеркальце имел я небольшое...» .	81
«Секрет бессмертия мне не был дан...»	82
«Кудесники мне жизни не продлят...»	83
«У света суть четыре стороны...» .	84
«Когда навек глаза закрою...» .	85
«Для гроба дуб я распилил на доски...»	86
«Родился я, сжав пальцы в кулаки...»	—

«Природа, я все больше в это верю...»	87
«Меркнет взор...»	88
МОЯ РОССИЯ	90
И В ЗЕМЛЕ НЕ ТЛЕЕМ	108

Хузангай Петр Петрович

ПЕСНИ ТИЛЛИ

Редактор *А. И. Дмитриев*

Художник *Э. М. Юрьев*

Художественный редактор *А. А. Макаров*

Технический редактор *А. Ф. Никитина*

Корректор *Л. А. Иванова*

НТ 33406. Сдано в набор 1/XI-1974 г. Подписано к печати 12/V-1975 г. Формат 70×90/32. Бумага типографская № 1. Физич. печ. л. 4,50. Усл. печ. л. 5,26. Учетно-изд. л. 4,45. Заказ № 3194. Тираж 2 000 экз. Цена 64 коп.

Чувашское книжное издательство.
Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Чувашской АССР.
Чебоксары, Канашское шоссе, 13.

2.62

64 коп.

